

Наум Ефимович Застенкер

ПРУДОН и ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1848 года

Французский ежегодник 1960

М.: Наука. 1959. С.388-425

Веб-публикация: **Vive Liberta, 2011**

К теме - см. раздел библиотеки

«Весна народов»: европейские революции 1848-1849 гг.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#1848

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm>

В нашу эпоху великой битвы идей, сопровождающей созидание коммунистического общества, сражаются не только идеи, порожденные современной борьбой классов. Против исторического прогресса умирающие классы всегда мобилизовали на помощь идеологию прошлых эпох, воскрешали мертвые идеи и оживляли полумертвые. Одним из примеров этого служит то, что происходит ныне с прудонизмом во Франции, да и не только в этой стране.

В начале XX в. буржуазная наука открыла Прудона как великого мыслителя минувшего столетия. Через два-три десятилетия она объявила его властителем дум современности. Прудон вошел в университетскую науку и в редакции исторических, социологических и философских журналов как одна из желанных тем. С поразительным единодушием его превозносят почти все течения буржуазной общественной мысли и вряд ли можно найти еще одно имя, на котором так сходились бы дифирамбы, расточаемые политиками и правых и левых направлений. С одной стороны, Прудона подняли на щит правосоциалистические теоретики, объявившие его «отцом французского социализма», чтобы тем быстрее отряхнуть с себя прах былого «марксизма». Вместе с правыми социалистами именем Прудона пользуются и другие теоретики «третьей силы», те, кто именует себя «некоммунистической левой». Следуя далее в том же направлении, нетрудно заметить все более ошутимое воздействие прудонистских идей на французских ревизионистов, как, впрочем, и на построения югославской модели. В прогрессивной печати было уже отмечено влияние на все формы современного ревизионизма двух доктрин — Бернштейна и Прудона¹. Это еще раз подтверждает давно высказанную Лениным мысль о том, что оппортунист, «когда хочет быть последовательным, неизбежно договаривается до прудонизма»². С другой стороны, Прудону курили фимиам теоретики вишйского режима и продолжают поныне курить его плакальщики. Без имени Прудона не обходились ни «могильщики Франции» со стажем, ни те, кто еще стажирует. Даже католические отцы — публицисты стремятся реабилитировать Прудона по пункту обвинения в атеизме. Один из них, Мадоль, открыто вопрошает: «Не пробил ли час возврата к

¹ См. R. Garaudy. Jaurès et la démocratie («Europe», 1958, X—XI, p. 58), а также Lelio Basso. Ritorno a Proudhon e a Bernstein («Rinascita», 1960, № 2, p. 123).

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 6, стр. 395.

Прудону, чтобы найти выход из запутанного конфликта между коммунизмом и капитализмом?»³.

Совершенно очевидно, что нынешние попытки организовать «возврат к Прудону» нельзя объяснить так, как пытался это сделать в начале XX в. Эме Бертод, писавший: «Франция — страна средних состояний, средних возможностей, среднего честолюбия и средних идей — и это причина особого внимания, проявляемого к Прудону»⁴. Неопрудонисты вынуждены теперь рекламировать Прудона с большей откровенностью. Покойный Эдуард Доллеан, недвусмысленно мотивировал предпринятое им новое капитальное исследование о Прудоне следующим образом: «По любопытству, которое он возбуждает, Прудон актуален. Он актуален еще и по тому месту, какое он заслуживает занять сегодня... Прудон актуален потому, что он — против течения»⁵. Эти слова объясняют многое из того, что лежит в основе настойчивой модернизации прудонистских идей. Показательно уже то, что никто не воскрешает старую легенду о Прудоне как олицетворении «духа разрушения», как «человеке-ужасе» 1848 г. Этот наивный миф, созданный взбешенными буржуазными реакционерами 1848—1851 гг., несколько не нужен современной реакции и современному реформизму. Создаются новые легенды, лучше приспособленные к фактам и тоньше фальсифицирующие их. Появляется Прудон как «глубоко республиканская натура», чья позиция в 1848 г. выглядит как «меланхолия, носящая отпечаток скептицизма», которая была проявлением «проницательности», «тревогой ясновидящего», участвовавшего в создании демократической республики во Франции, но при этом «видевшего, как народ еще не подготовлен к ней»⁶. Однако и эта легенда сулит весьма ограниченный успех делу «возврата к Прудону». Сами неопрудонисты это признают. Компетентный исследователь и комментатор Прудона Ги Гран вскоре после второй мировой войны писал: «Назавтра после первой мировой войны обозначился некий „возврат к Прудону“, которому покровительствовал кое-кто из руководителей Всеобщей конфедерации труда. Но он не оправдал тех ожиданий, какие возлагали на него его инициаторы. Вторая мировая война не породила аналогичных попыток в рабочих организациях, те же, какие предпринимались, были более литературными и философскими, чем специфически рабочими. Прудонистский дух подрывается притягательной силой марксистского подъема (*de la poussée marxiste*), который все более овладевает массами...»⁷.

Тем не менее пропаганда прудонизма возрастала по мере роста демократических сил во Франции, по мере того, как выяснялось опромное влияние коммунизма в массах. Буржуазная реакция настойчиво оберегала арсенал идей, враждебных коммунизму и демократии и еще не потерявших способности воздействовать на часть пролетариата и средних слоев. Так подтверждаются вещи слова Ф. Энгельса о том, что прудонистская теория, в корне подорванная Марксом и исчезнувшая было с горизонта после Парижской Коммуны, «все еще служит огромным арсеналом, из которого радикальные буржуа и псевдосоциалисты Западной Европы черпают фразы для усыпления рабочих... потому что они в прудонистских идеях видят вполне подходящее средство противопоставить действительному

³ J. Madaule. 1848 et la crise européenne.— («Cahiers du monde nouveau», 1948, № 4, p. 113).

⁴ A. Berthod. L'attitude sociale de P.-J. Proudhon («La Révolution de 1848», t. 5, p. 815).

⁵ Ed. Dolléans. P.-J. Proudhon. Paris, 1948, p. 22.

⁶ Ed. Dolléans et P. J. Puech. Proudhon et la révolution de 1848, Paris, 1948, pp. 26, 31, 77.

⁷ G. Guy-Grand. Pour connaître la pensée de Proudhon. Paris, 1947, p. VII.

социализму — верному и сжатому выражению стремлений пролетариата — низкопробный буржуазный социализм»⁸.

Многоликость подобного «социализма» давно известна. Она иллюстрируется тем фактом, что на арену битвы идей во Франции выпущен ныне Прудон в образе своего рода предвестника V Республики. Неудивительно, что в последние годы так назойливо эксплуатируются политические идеи Прудона, особенно периода февральской революции 1848 г. и бонапартистского государственного переворота 1851 г.

Достаточно вспомнить то общее, что обнаруживалось в обеих этих фазах развития прудоновской мысли, чтобы понять секрет того повышенного интереса, который проявляет к ним реакционная публицистика и «прудоноведческая» наука во Франции наших дней. Обе фазы характеризовались неистовой критикой Прудона по адресу демократии и сопровождались реакционными конструкциями мелкобуржуазного реформатора, искавшего средств восстановления «национального единства», разрушаемого классовой борьбой и разъедаемого демократией. В свое время нам приходилось анализировать эти построения Прудона в связи с его отношением к бонапартизму и к бонапартистскому государственному перевороту⁹. Недавно этот вопрос был вновь рассмотрен в яркой брошюре Ж. Коньо «Прудон и бонапартистская демагогия»¹⁰.

Сложнее дело обстоит с политическими идеями Прудона февральского периода 1848 г. В буржуазной исторической литературе отношение Прудона к февральской революции невероятно приукрашивается и искажается. Но и в марксистской литературе, посвященной Прудону, остались незамеченными многие важные стороны этого вопроса, требующие пристального внимания в свете стремлений французской буржуазно-империалистической реакции актуализировать прудонистские идеи. Задача нашей статьи — восполнить этот пробел анализом прудоновской критики февральской демократии 1848 г.

* * *

Биографы Прудона давно отметили его противоречивое поведение в дни февральской революции. Оно и в действительности было таким.

Будучи противником революционного движения против июльской монархии и осуждая даже династическую и республиканскую оппозицию, Прудон призывал своих друзей не участвовать в завязавшейся борьбе. Он облегченно вздохнул, узнав об отступлении оппозиции от решения провести банкет 22 февраля. Однако после расстрела на бульваре Капуцинов 23 февраля его настроения изменились. «Набат монастыря Сен-Сюльпис, — писал он впоследствии, — наполнил меня революционным энтузиазмом. Я не был уже прежним человеком, я принял свое решение»¹¹. Это автобиографическое указание, сделанное Прудоном через год после февральской революции, было столь же неточным, как и его стремление представить себя республиканцем «de la veille et de l'avant-veille»¹². Прудон действительно набрал, по поручению Флокона, текст известной прокламации, призывавшей к свержению Луи Филиппа, и принял участие в строи-

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 97.

⁹ См. Н. Е. Застенкер. Прудон и бонапартистский переворот 2 декабря 1851 г. — «Исторический журнал», 1944, № 10—11.

¹⁰ G. Cogniot. Proudhon et la démagogie bonapartiste. Paris, 1958.

¹¹ «Le Peuple», 19 февраля 1849 г. № 93. В письме от 15 марта 1848 г. Прудон объяснял перемену своих настроений несколько иначе: «Я выполнил свою долю работы, хотя и не одобрял ее сперва. Но когда я увидел, что дело завязалось, я не хотел оставить своих друзей» (P.-J. Proudhon. Correspondance, t. II. Paris, 1875, p. 291). Тот же мотив приведен Прудоном в его работе «Solution du problème social» (Oeuvres complètes, t. VI, Paris [1868], p. 13).

¹² «Le Peuple», 1848, № 93.

тельстве баррикад. Но никакого «принятого решения» ни 24 февраля, ни в последующие дни у Прудона не было. По верному замечанию Ц. Бугле, Прудон «на мгновение дал вначале увлечь себя»¹³, но его революционная вспышка была лишь порывом, иссякшим к исходу дня 24 февраля.

В первые недели февральского периода Прудон мечется из стороны в сторону, переходит от сомнений в необходимости происшедшей революции к принятию ее как «fait accompli», от поддержки Временного правительства к ожесточенной критике его, от обращения к Луи Блану к сокрушительной критике Люксембургской комиссии и ее председателя. Нельзя не поразиться лихорадочной изменчивости линии Прудона в этот и в следующий периоды революции. Она побивала в это время все рекорды прудоновских противоречий и во всяком случае — их среднюю норму.

В зигзагах и шатаниях прудоновской мысли многое объясняет источник, проливающий новый свет на мотивы его поведения, не прикрашенные никакими «исповедями революционера» последующих лет. Мы имеем в виду личные записные книжки Прудона, представлявшие собой нечто вроде его дневника, — записи его «Carnets intimes»¹⁴.

Сопоставляя эти записи с письмами Прудона к друзьям, опубликованными в его «Correspondance», можно обнаружить определенную логику колебаний Прудона в первые недели февральского периода.

Записи Прудона разрушают версию «Исповеди революционера» о положительном отношении ее автора к февральской революции и подтверждают известное указание Маркса на то, что революция произошла для Прудона «совсем некстати»¹⁵.

В отношении Прудона к февральской революции можно проследить несколько фаз. На первых порах Прудон считал, что революция создала крайне опасную ситуацию. Он записывает 24 февраля, что «революция совершена без идей» и что к власти пришел «робеспьеризм»¹⁶. Хотя в записях Прудона больше всего достается «стаду адвокатов и писателей, один невежественнее другого», Ламартинам и Ледрю-Ролленам, обуявшие его страхи были прежде всего страхами перед устремлениями победивших рабочих масс. «Все это ничего, но разорванные договоры 1815 г., социализм, коммунизм и все утопии — вот что должно быть ужасно», — записывал он в дневнике вечером 24 февраля¹⁷.

Дневник Прудона позволяет констатировать, что он отнесся недоброжелательно и к провозглашению республики. Вплоть до исхода борьбы

¹³ C. Vo u g l é. La sociologie de Proudhon. Paris, 1912, p. 160.

¹⁴ Одиннадцать тетрадей этих «Carnets», хранившиеся до 1947 г. у дочери Прудона, Катрин Эннеги, а после ее смерти перешедшие во владение внука Прудона, m-ше Сюзанны Эннеги и m-ше Форэ-Фремье, содержат регулярные записи, начиная с июля 1843 г. до лета 1864 г., т. е. почти до конца жизни Прудона. Период революции 1848 г. охватывается записями VI и VII тетрадей. К этим материалам архива Прудона имел доступ ограниченный круг исследователей, главным образом, «непрудонисты»; довольно обильные выдержки из «Carnets» приведены в работах D. Halévy («Proudhon d'après ses Carnets intimes» и др. работы), Ed. Dolléans, G. Duveau (в особенности в кн. Ed. Dolléans. P.-J. Proudhon), а также в новейшей биографии Прудона американского писателя Вудкока (Pierre-Joseph Proudhon. A biography by George Woodcock. New York, 1956). Исследователи-марксисты и вообще прогрессивные историки до сих пор не получали доступа к «Carnets» и последние еще ждут своего объективного анализа, который будет весьма облегчен тем, что полный текст «Carnets» в ближайшее время выпускается в свет издательством Marcel Rivière. К настоящему времени это издательство опубликовало первые два тома «Carnets», охватывающие годы до революции 1848 г. («Carnets de P.-J. Proudhon», t. I, 1843—1846; t. II, 1847—1848, Paris, 1960).

¹⁵ К. Маркс. О Прудоне (письмо И.-Б. Швейцеру). См. К. Маркс. Ницета философии. Госполитиздат, 1956, стр. 168.

¹⁶ Цит. по предисловию Галеви к кн.: P.-J. Proudhon. Confessions d'un révolutionnaire. Paris, 1929, p. 16.

¹⁷ Цит. по кн.: Ed. Dolléans. P.-J. Proudhon, p. 119.

по этому вопросу он склонялся к спасительному для монархии проекту регентства¹⁸. Если Прудон быстро примирился с «fait accompli», то лишь потому, что это представлялось ему кратчайшим путем к водворению порядка в стране, средством избежать углубления революции. Но и после этого его еще некоторое время гложет страх перед возможностью контрреволюционной интервенции, перед неизбежными потрясениями, вызванными революционной войной, которую будет в таком случае вести Франция. Он уверен, что Францию ожидает катастрофа, «если только сильные и значительные идеи, заимствованные в ином месте, чем речи Робеспьера, не обновят наших умов и нашего характера»¹⁹. Вначале у Прудона не было ни уверенности, ни даже надежды на такое «просветление». Его невысказанная мысль вращалась, конечно, вокруг его собственных реформаторских проектов. Прудон считал на первых порах, что революция загубила надежды на их осуществление. Не забудем, что революционная борьба в феврале 1848 г. засвидетельствовала полную изоляцию Прудона от масс как пролетарских, так и мелкобуржуазных. Делаод был прав, говоря, что Прудон «не имел никакого воздействия на революцию, — ни личного, ни морального»²⁰. Прудон ясно сознавал это. В письме к другу Морису он признавался: «Возможно, моя точка зрения малопригодна, чтобы правильно судить о событиях. Мое тело находится среди народа, но моя мысль — в другом месте. Ходом своих идей я дошел до того, что почти не имею более общих идей с моими современниками»²¹.

Вот почему, вопреки позднейшим уверениям, Прудон пребывал в полной неопределенности насчет своего будущего и насчет своей позиции. В том же письме к Морису он писал: «Может быть, новый порядок вещей и использует меня, кто знает? Может быть, я окажусь в оппозиции к нему — еще раз, кто знает?»²². А в дневнике его записано определеннее — «мне нечего там делать»²³.

Все же к началу марта 1848 г. в настроениях Прудона происходит явный перелом. Уже с 26 февраля его письма свидетельствовали о нарастающем оптимизме. Во-первых, Республика признана всеми классами и партиями в стране²⁴. К тому же сообщения из-за границы рассеивали опасения контрреволюционной интервенции. Был и другой источник оптимизма, постепенно бравшего верх у Прудона. С радостью он констатировал, как все замечают, что республика «не имеет идей», и все ищут их. А это меняло перспективы. «Только что из моей комнаты ушли четыре гражданина, вооруженные ружьями, — сообщал Прудон в одном письме. — Они приходили спросить у меня, когда я рассчитываю опубликовать тот том, который я обещал год назад, они в нем нуждаются»²⁵. Этими визитерами были четверо лаборщиков, представителей тогдашней «рабочей аристократии»: бывший деятель бюшетицкого журнала «Atelier», ставший впоследствии заведующим редакцией газеты Прудона «Représentant du peuple» Васбенгер, Дебок и братья Жозеф и Николай Мэр²⁶; их привел почитатель Прудона морской офицер Жорж Дюшен, впоследствии известный публицист.

¹⁸ Ed. Dolléans. P.-J. Proudhon, p. 119.

¹⁹ P.-J. Proudhon. Correspondance, t. II, p. 284.

²⁰ L. De la Hodde. La naissance de la République en février 1848. Paris, 1850, p. 336.

²¹ P.-J. Proudhon. Correspondance, t. II, p. 284.

²² Ibid., p. 283—284.

²³ P.-J. Proudhon. Confessions d'un révolutionnaire, p. 16.

²⁴ Прудон писал иронически: «Если все примыкают к республике, то она сможет причинить не больше зла, чем процессия на празднике святых даров в Безансоне» (P.-J. Proudhon. Correspondance, II, p. 286).

²⁵ Ibid., p. 297—288.

²⁶ Pierre-Joseph Proudhon. A biography by George Woodcock, p. 120.

Оптимизм Прудона порождали и его воскресшие надежды на поддержку не только «снизу», но и «сверху». Он рассчитывал на успех своих идей у буржуазных республиканцев, беспомощных в экономических вопросах. Сам же он чувствовал себя человеком, обладающим ключом к решению этих вопросов, монополистом именно в этой области. Он писал: «Вчера я не знал еще, что будет делать это новое правительство и не придется ли мне поднять новую борьбу на почве экономических вопросов; сегодня я думаю, я убежден, что оно будет благожелательным, и так как надо двигаться вперед, жить, восстанавливать порядок, то я присоединяюсь к правительству»²⁷. Надежды Прудона подогревались и курсом буржуазных республиканцев на «всеобщее братание», известным заявлением Ламартина о том, что Временное правительство «прекращает страшное недоразумение, существовавшее между классами», и т. д. и т. п.

Но этим надеждам и иллюзиям Прудона суждено было быстро рассеяться. Временное правительство не спешило звать его на помощь при решении экономических и социальных проблем, оно пользовалось преимущественно услугами «государственных социалистов» люксембургского образца. А тем временем сквозь радужную атмосферу февральского «Fraternité» стали пробиваться признаки обострения классовых противоречий в стране: подъем рабочего движения, показывавший растущее стремление пролетариата к осуществлению «социальной демократии», т. е. к радикальным социальным преобразованиям, отвечающим февральскому обещанию покончить с классовой эксплуатацией, а с другой стороны — растущий страх буржуазии перед развернувшейся активностью масс и углублением экономического и финансового кризиса в стране. Прудон замечает, что февральская демократия со всеми аксессуарами клубнопартийной агитации и борьбы вокруг сроков выборов в Учредительное собрание расшатывает первоначальное «всеобщее братство». К тому же надежды, которые Прудон возлагал на свой успех в клубах, также поблекли. Вступление в «Клуб революции» и редкие речи перед небольшой аудиторией из наборщиков не вывели Прудона из позиции «философа в бочке, живущего во мраке и уединении и собирающего жатву республиканских чудачеств», как охарактеризовал он свое положение в демократическом лагере в одном письме от середины марта 1848 г.²⁸

Прудон раздирается противоположными желаниями: выждать, спешить, — спешить, пока обострение обстановки не зашло слишком далеко, пока остаются ценными услуги человека, обладающего секретом безболезненного выхода из положения. «Я обладаю — могу сказать это в данный момент — монополией тех идей, в которых более всего ощущается нужда, — экономических идей. Сочинители утопий исчерпали свои знания, они обладают властью, кроют, режут и ничего не могут сделать. Над национальными мастерскими все смеются, Луи Блан освистан, Консидеран бессилен. Наконец-то замечают, что у всех этих шарлатанов социализма нет ничего в голове, и множество людей приходит ко мне. Я жду. Я уверен в своих идеях, более уверен, чем когда-либо. Деньги прячутся — я обойдусь без них; кредит мертв — я воскрешу его без насилия. Но нужно ждать, момент для меня приближается, но еще не наступил»²⁹.

Но выжидательную позицию Прудона подтачивает страх перед последствиями слепой и катастрофической политики буржуазных республиканцев и демократов. Письма Прудона свидетельствуют о том, что он довольно ясно различал их игру с рабочим классом, разгадывал их замыслы и понимал, насколько шатки их надежды отделаться от требований рабочего

²⁷ P.-J. Proudhon. Correspondance, t. II, p. 285—286.

²⁸ Ibid., p. 290.

²⁹ Ibid., p. 291—292.

класса маневрами и мелкими уступками. В только что цитированном письме Прудон писал, что стоящая у власти «секта „Националя“» стремится лишь к тому, чтобы, выиграв время, затем заткнуть народу рот... Луи Блану, Консидерану и К^о дают возможность истощить свои силы в тяжких трудах, а затем в одно прекрасное утро закроют Люксембург и распускают комиссию. Одним словом, имеют в виду похоронить социальный вопрос без особого шума... и надеются выкрутиться. Это, как видите, все то же ослепление, но надежды контрреволюционеров будут обмануты. Здесь имеется 15 тысяч вооруженных пролетариев, которые не останутся безучастными и не уступят. Социальный вопрос будет решен или — горе стране!»³⁰.

Это-то и вселяло особую тревогу в Прудона. Его реформаторские проекты приобретали теперь исключительный смысл как способ предотвращения растущей угрозы гражданской войны, как рецепт спасения буржуазного общества от опасности революционного восстания обманутого пролетариата. Прудон решает приблизить момент своего появления в роли спасителя, публично выступив против февральской демократии с критикой, которая должна была «расстрелять картечью Временное правительство»³¹ и забить в набат по поводу его политики. Выступление это носило одновременно характер саморекламы самого спасителя. В разгар стрельбы «картечью» Прудон обратился к Луи Блану с подобострастным письмом, где извинялся за резкий тон своих полемических выступлений и просил содействовать принятию Временным правительством его проекта «организации кредита»; взамен Прудон обещал приостановить свою критику Временного правительства и помочь «организации труда». «Возьмите под свое покровительство мою идею и уступите мне вашу», — так сформулировал Прудон сделку, предлагавшуюся им председателю Люксембургской комиссии³². Луи Блан не удостоил Прудона ответом, после чего бранчивость и ярость прудоновской критики по адресу Временного правительства и люксембургских социалистов удвоились.

Мы остановились на этих зигзагах прудоновской мысли, не затушеванных фразеологией его позднейших публичных выступлений, так как они раскрывают вдохновляющие мотивы первой крупной работы Прудона после февральской революции — его «*Solution du problème social*». Выяснение этих мотивов дает попутно возможность оценить ту забавную контроверзу вокруг деятельности Прудона в февральский период, которая возникла в современной прудониане.

Американский историк Мэри Аллен в своей статье «Прудон в революции 1848 года»³³ тщится доказать, что отношение Прудона к февральской революции определялось его «философскими взглядами». Ей вторит западногерманский исследователь Прудона Петер Гейнц, выпустивший недавно свой «опыт имманентной критики» проблемы власти у Прудона, где доказывается, что постановка Прудоном вопроса о демократии и государстве после февральской революции носила «отчетливо выраженный социально-философский характер»³⁴. В противоположном направлении идут стремления отделить Прудона от доктринерского «социализма 48 года» и представить его тогдашние идеи воплощением и отражением народного сознания. Новейшая попытка такого рода принадлежит французскому

³⁰ P.-J. Proudhon. Correspondance, t. II, p. 292.

³¹ Ibid., p. 293.

³² Ibid., p. 307.

³³ Mary B. Allen. P.-J. Proudhon in the revolution of 1848.— «Journal of Modern History», 1952, № 1.

³⁴ Peter Heintz. Die Autoritätsproblematik bei Proudhon. Versuch einer immanenter Kritik. Köln, 1956, S. 14.

историку А. Кювийе, автору книги «Люди и идеологии 1848 г.»³⁵. А. Кювийе, возвращаясь от былой близости к марксизму в лоно первоначальной прудонистской любви, проводит в этой работе ту мысль, что в идеологии 1848 г. необходимо различать два рода идей — доктринерство социалистических и коммунистических теоретиков авторитарной «организации труда» и взгляды, имевшие источником народ, пробуждавшееся сознание рабочих. По мнению А. Кювийе, Прудон отражал эту народную струю в идеологии 1848 г. и поэтому противопоставлял этактистскому принципу политической демократии этический принцип независимости и свободы труженика, экономическую демократию пролетариата³⁶.

Эти построения буржуазной историографии рушатся немедленно, как только мы захотим проверить их на книге Прудона, посвященной решению социального вопроса, и объяснить, почему эта работа приобрела такую злободневность во Франции.

* * *

«Solution du problème social» составила из частей, которые публиковались отдельными книжками в небольшом книготорговом предприятии В. Пиля, созданном после революции. С первых чисел апреля 1848 г. они печатались также в газете Фовти и Виарда «Représentant du peuple», сотрудником и фактическим редактором которой вскоре стал сам Прудон.

В основе этого произведения Прудона, первого после февральской революции, лежал труд, который был возведен еще в 1846 г. и над которым Прудон работал в 1847 г.: «Программа прогрессивной ассоциации, решение проблемы пролетариата». Трудно установить степень готовности этой работы Прудона к моменту февральской революции, так как показания самого автора сбивчивы и противоречивы. В письме к своему издателю Гильомэну от 19 сентября 1847 г. Прудон сообщал, что его новая работа закончена³⁷. В статьях же в газете «Le Peuple» в феврале 1849 г. он признавался, что к моменту революции лишь закончил сбор материала для двухтомного труда, который должен был называться «Решение социального вопроса»³⁸. Эти противоречия можно, на наш взгляд, объяснить следующим: события февральской революции, опрокинувшие и политические схемы Прудона и его реформаторские проекты, рассчитанные на осуществление в условиях июльской монархии, превратили его почти готовый труд в материал, подлежащий самой основательной переработке. В своих воспоминаниях Даримон приводил слова Прудона о том, что революция «расстроила его книгу»³⁹. Вот почему произведение Прудона никак нельзя считать аутентичным воспроизведением содержания труда, который он готовил к изданию накануне революции. «Я должен был исправить свою работу, чтобы она звучала в унисон с событиями»⁴⁰, — писал он Хюгэнэ в марте 1848 г.

Эта переработка в особенности должна была коснуться того раздела книги Прудона, который был опубликован прежде других и посвящался критике демократии. Можно вообще усомниться в том, содержала ли дореволюционная работа Прудона раздел, который мог бы служить основой для данной части его труда; скорее следует предположить, что этот раздел был написан Прудоновым наново. Он представлял обобщение и развитие тех мыслей, какие фрагментарно высказывались в письмах Прудона о фев-

³⁵ A. Cuvillier. Hommes et idéologies de 1848. Paris, 1956.

³⁶ Ibid., p. 235.

³⁷ P.-J. Proudhon. Correspondance, t. II, p. 267.

³⁸ «Le Peuple», 1849, № 93.

³⁹ A. Darimon. A travers une révolution. Paris, 1884, p. 36.

⁴⁰ P.-J. Proudhon. Correspondance, t. II, p. 293.

ральской революции и частично приводились нами выше. Конечно, это не означает, что между дореволюционными взглядами Прудона на демократию и его послереволюционной критикой демократии не было преемственной связи. Наоборот, во всем ходе рассуждений Прудона в «*Solution du problème social*» связь эта прощупывается, как мы будем иметь возможность убедиться. Однако развернутая критика демократии относилась к соответствующим дореволюционным идеям Прудона, как зрелая концепция к своему эмбриону. Созревание этой концепции было ускорено буржуазно-демократической революцией, в которой пролетариат завоевал себе значительное влияние на государственные дела и имел возможность предъявлять буржуазии радикально-демократические и социалистические требования.

Теперь Прудон мог воочию узреть процесс обнажения классовых противоречий, связанных с торжеством буржуазной демократии; он мог заглянуть в ту бездну, которую смутно чувствовал и которой так страшился перед февральской революцией. Критика демократии поэтому была неразрывно связана у Прудона с критикой демократической революции; последняя составляла ее органическую часть и естественное введение ко всей работе.

Первая часть работы, посвященная февральской революции, была датирована 22 марта 1848 г. Она развивала мысли, уже встречавшиеся нам в февральско-мартовских письмах Прудона на ту же тему. Все же эта часть «*Solution*» содержала и нечто новое, что делало ее фазой развития прудонистской концепции февральской революции.

Прудон уже отказывался видеть в февральских событиях революцию, совершенную «без идеи»; наоборот, он предпринимал попытку определить эту «идею», смысл происшедшей революции⁴¹. Он отыскивает эту «идею» не в действительных оппозициях, а в поведении народа. Прудон справедливо доказывал, что ни оппозиция, ни печать, ни социалистические секты не хотели революции, они апеллировали к народу, добиваясь от него поддержки только более или менее радикальных реформ.

Если все же произошла революция, то потому, что так решил народ: он отбросил рамки реформ и, действуя стихийно и суверенно, совершил революцию. Исходя из этого, Прудон обращается к целям, которые преследовал народ, к мотивам его поведения в февральские дни. В действительности Прудон вовсе не стремился выяснить объективный исторический смысл народной борьбы 22—24 февраля. Он навязывал историческим фактам чуждый им смысл. Под видом исторического анализа событий читателю предлагались доктринерские выводы из надуманной философии истории. Вкратце она была такова. В 1830 г. народ ставил своей целью довести до конца опыт конституционного правления, великую идею 1789 г. Но семнадцать лет разоблачили сполна «конституционную ложь» июльской монархии. Правительство Луи Филиппа нашло средства никогда не выходя

⁴¹ Отвергая взгляды тех, кто видел в февральской революции события, совершившиеся «без идеи», Прудон излагал их точку зрения в выражениях, зачастую буквально заимствованных из своих собственных писем по тому же вопросу, не оговаривая, что речь идет о его собственных вчерашних взглядах. Ср., например, выражения «слово республика кажется в нашем языке социализмом»; «парижский народ, изгоняя Луи Филиппа, напоминал больного, который извергает солитера через рот»; «оппозиция, будучи на мгновение обладательницей власти и имея 40 тысяч человек войск и 80 тысяч национальных гвардейцев, чтобы заставить уважать свои полномочия, сошла нужным спешно бить отступление и оставить поле свободным для республики!» (P.-J. Proudhon. *Solution du problème social*, p. 2—4) с буквально теми же выражениями в письмах Прудона (*Correspondance*, II, p. 280, 283 и др.). Вся полемика с теорией о «революции без идеи» носила, таким образом, у Прудона характер самокритики, преодоления своих собственных заблуждений в понимании, вернее, в непонимании смысла происшедшей революции.

из рамок законности, всегда становится поперек желаний и чувств народа. Эта-то конституционная ложь и «обусловила революцию»⁴². То, что народ хотел разбить и уничтожить, — были не те или иные личности или министерства или система Гизо, это была сама конституция. Ведь те цели, какие ставила перед собой оппозиция, — уничтожение личного правления Луи Филиппа, избирательная реформа, — эти цели были достигнуты уже 22 февраля, когда было призвано к власти министерство О. Барро. Приход к власти этого правительства означал конец королевского произвола, а избирательная реформа делала рабочих соучастниками власти вместе с буржуазией. «Таким образом, после уничтожения личного правления, после того, как была достигнута избирательная и парламентская реформа, а король оставался жителем Тюильри, — королевская власть была лишь пустым званием и демократическая революция была завершена (la révolution était démocratiquement consommée)»⁴³.

Но народ этим не удовлетворился и пошел дальше. Он заявил, что недостаточно реформировать правительство, надо перестроить общество.

Момент перехода от переворота чисто политического к перевороту социальному наступил, по Прудону, тогда, когда народ поставил вопрос об уничтожении монархии. Здесь, доказывая Прудон, народ имел в виду уже социальный вопрос. Ведь если король, который управляет страной, был олицетворением деспотизма, то в короле, который царствует, но не управляет, получил самое яркое воплощение паразитизм. Кроме того, монархия, практикуя коррупцию, сделалась самым глубоким источником продажности, привилегий и ажиотажа. Таким образом, поставив вопрос о монархии, народ и юридически и фактически поставил социальный вопрос. Он потребовал, чтобы правительство занималось делами торговли, земледелия и промышленности с тем, чтобы, руководствуясь правилами науки, — они же и правила справедливости — содействовать развитию общественного богатства и улучшению материального и морального положения бедных классов⁴⁴. Отсюда тот вывод, который не замедлил сформулировать Прудон: «уничтожение монархии было синонимом социальной революции»⁴⁵.

Такова «идея» февральской революции, вычитанная Прудонем в «логике» событий и исторических фактов. Подобным способом через месяц после февральской революции Прудон пришел к признанию и оправданию республиканского переворота, но это было достигнуто, как можно легко видеть, посредством доктринерских рассуждений относительно характера революции во Франции. Свержение политического самодержавия финансовой аристократии Прудон толковал как начало уничтожения паразитизма и ажиотажа. В республике, призванной осуществить господство буржуазии как класса, он увидел призыв ликвидировать господство крупной буржуазии над мелкой. Проблемы политического развития буржуазного общества во Франции, преодоления глубокого раскола буржуазии на враждующие монархические течения и завоевания демократических прав и свобод для народных масс им игнорировались. Либо «социальная революция», либо случайная смена властей, т. е. революция, совершенная без «идеи»⁴⁶.

Не менее произвольным было открытие Прудонем другой «идеи» февральской революции. Последняя, доказывая Прудон, была не только отрицанием монархического принципа, но и отрицанием представительного

⁴² P.-J. Proudhon. Solution du problème social, p. 10.

⁴³ Ibid., p. 11.

⁴⁴ Ibid., p. 12.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibid., p. 2.

принципа, отрицанием суверенитета большинства⁴⁷. Прудон ссылаясь здесь на тот факт, что парижские повстанцы потребовали от Временного правительства немедленного провозглашения республики и решительно отвергли предложение Ламартина насчет необходимости опросить провинцию, получить согласие большинства населения. В том, что требование победоносного и вооруженного парижского пролетариата одержало верх над «юридической щепетильностью» буржуазных республиканцев, Прудон усматривал не показатель реального соотношения классовых сил в первый момент после победы революции, а нечто большее — торжество «народной логики» над логикой доктринерской демократии, требующей решения общественных дел большинством голосов избранных народом представителей. Прудон старался извлечь отсюда далеко идущие выводы, которые бросают яркий свет на его концепцию народа и национального единства. Вот как истолковывал он «голос народа», требовавшего немедленного провозглашения республики: «Если я говорил это в Париже, я не могу противоречить самому себе в Бордо. Народ — един и неделим, он не является большинством и меньшинством, он вовсе не составляет толпы (multitude), он не делится на части. Его воля не может подсчитываться и взвешиваться, как монета, как голоса акционеров: она — единодушна. Всюду, где есть деление, — там уже не народ; и ваши теории представительства являются отрицанием его суверенитета. Народ всегда согласен с самим собой, все в его решениях слажено и связано между собой, все его суждения тождественны»⁴⁸. В этом отрывке — вся премудрость прудоновских воззрений на демократию. Творцом революции у него выступает народ, не разделенный классовыми интересами и антагонизмами; характеру и духу революции соответствует только та политика, которая упрочит единство народа и, следовательно, устранил все то, что ослабляет и разрушает это единство. Поскольку все, что раскалывает нацию, является извращением «идеи» февральской революции, последняя осуждает представительную демократию с ее решением вопросов по большинству голосов и посредством избрания представителей народа. В противоположность всем теоретикам государственного права, народ, требуя немедленного провозглашения республики, видел, что власть большинства вовсе не абсолют, она подвержена сомнениям и исключениям и «в определенных случаях может служить так, что народ как целое (l'intégralité du peuple) может быть осужден большинством народа». Следовательно, есть основание пересмотреть этот принцип в новой конституции, ибо народ разбил закон большинства под крик «Да здравствует Республика!»⁴⁹.

Пытаясь найти и раскрыть «идею» февральской революции, Прудон искал ее не в действиях масс, а в исторических построениях, приспособленных к свершившимся событиям, но сохранивших свою сектантско-доктринерскую основу. Лучше всего это видно из того, что и теперь, после того, как Прудон постиг «идею» февральских событий и нашел революцию «законной»⁵⁰, он несколько не осуждал своих антиреволюционных позиций предшествующего периода. В сущности Прудон и не сходил с этих позиций; он старался примирить их с таким «признанием» февральской революции, которое перекинуло бы мостик к его старым взглядам. Достигалось это выхолащиванием из понятия «революция» всякого реального смысла, стиранием всех граней между революцией и медленной эволюцией. При таком толковании Прудон, сторонник мирных реформ, посте-

⁴⁷ P.-J. Proudhon. *Solution du problème social*, p. 14.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 15.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 17.

⁵⁰ Первая статья Прудона из «*Solution du problème social*» называлась: «Революция 24 февраля законна, хотя она и была неlegalной».

пенно преобразующих общество июльской монархии в царство равенства и свободы, и Прудон, глашатай «идеи» революции, свергнувшей июльскую монархию, мог оставаться одним и тем же человеком, не изменившим ни на йоту своим убеждениям и в то же время пребывающим в согласии с революционными переменами в стране. В этом был смысл довольно неожиданно заявленного Прудона в «*Solution du problème social*», где он, казалось, вполне установил «законность», правомерность февральской революции: ее сроки и даты были, оказывается, не делом народа, а лежат на ответственности буржуазии и правительства⁵¹. Доказывая это, Прудон пускался в рассуждения, которые показывают, что новые «революционные» позиции нисколько не поколебали его прежних антиреволюционных. «Хотя революция была и поспешной и внезапной (*brusque*), она точно так же могла быть длительной, могла быть совершенна по общему согласию между короной, трудящимся классом и буржуазией, одним словом, она могла произойти мирным путем. Прогресс идей был явным и народ не мог не извлечь отсюда в скорости всех выводов; в самой консервативной партии в общем соглашались с тем, что трудности были более не политическими, а социальными. Весь вопрос был в том, чтобы знать, когда и как свершится переход. Однако так называемой династической оппозиции, консервативной партии было угодно ускорить развязку»⁵². Эту сентенцию Прудона нельзя свести к спору о сроках — немного позже или немного раньше. В сущности его обвинения по адресу оппозиции содержат мысль о том, что можно было избежать революции. Возможность эта была упущена из-за политического ослепления правительства и буржуазии. «И еще вопрос, — сегодня, когда возврата уже нет, — как знать, не лучше ли было бы для всеобщего спасения свершить в тридцать лет то, что мы свершили в три дня, не лучше ли растянуть славную дату, чем подвергаться риску решения, принятого в замешательстве»⁵³.

Мы видим, таким образом, сколь противоречивым было признание Прудона февральской революции после того, как ему открылась ее «идея».

Эти противоречия и колебания Прудона можно передать теми тревожными словами, с которыми он обращался теперь к буржуазии. Прудон доказывал ей, что сейчас уже нельзя отступать назад: «Проблема социальной реконструкции поставлена, надо ее решать... Несчастливая оппозиция! Несчастливые консерваторы! Вы срезали виноград еще зеленым, пошробуйте теперь дать ему дозреть на подстилке!»⁵⁴.

Свое намерение «расстрелять Временное правительство картечью» Прудон реализовал во второй части своей книги. Название ее — «Временное правительство не поняло революции» — было одновременно и выводом. Главную ошибку, главную вину Временного правительства Прудон видел в том, что оно разрушило единство нации, достигнутое в февральские дни. Не поняв «идеи» революции, не поняв «народной воли», правительство извратило весь характер февральских событий, вновь породило классовые противоречия и классовую борьбу в стране. «Правительство раскалывает народ, оно возбуждает ненависть между составляющими его классами; но организовать народ, создать суверенитет, который одновременно является и свободой и согласием, — это превышает способности правительства...»⁵⁵. Эта мысль являлась лейтмотивом всей критики Временного правительства у Прудона. Правительство повинно в том, что не смогло сохранить в стране атмосферу февральских дней, обстановку «всеобщего брат-

⁵¹ P.-J. Proudhon. *Solution du problème social*, p. 13.

⁵² *Ibid.*, p. 14.

⁵³ *Ibid.*, p. 13.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 14.

⁵⁵ *Ibid.*, p. 42.

ства». Эту обстановку Прудон рисует в самых розовых красках — она как нельзя более отвечала его идеалам. Не удовлетворяясь действительностью февральских дней, Прудон конструировал никогда не существовавшее «единство наций»: «Буржуазия, уставшая от мерзостей своего собственного правления, сама того не ведая, под крики «Да здравствует реформа!» шагала к республике. Рабочие массы, повторяя с энтузиазмом крики о реформе, лаская буржуазию и взглядом и голосом, также шагали, не ведая того, к республике. Слияние идей и сердец было полным, цель была единой, хотя никто не знал того пути, на который вступал»⁵⁶. Стирая противоречия между борющимися массами и буржуазией, между демократами-республиканцами и либеральными монархистами, перекрасившимися в республиканцев, Прудон доказывал, что «22 февраля все партии, все мнения, какие бы различия между ними ни были, высказывались за совокупность реформ, общей формулой которых нещепременно была республика». Это обстоятельство свидетельствовало о том, что республика была завоевана всеми партиями, всеми классами. «Все были республиканцами (правда, не подозревая этого) уже в течение 18 лет, все признали себя республиканцами, когда разразилось 24 февраля»⁵⁷.

Политика Временного правительства изменила и нарушила этот естественный ход общественного развития. «С 25 февраля революция, непонятая, стала извращаться. Из социальной, какой она была по общему мнению, ее переделали в политическую, ибо это по-прежнему политика, когда под предлогом организации сосредоточивают труд в руках государства (*absorber... le travail dans l'Etat*); демаркационная линия между буржуазией и народом, стертая на одно мгновение, вновь появилась и стала глубже и шире. Будучи неспособно постичь республиканский идеал, приверженное демагогической и меркантильной рутине Временное правительство работает над тем, чтобы вместо труда организовать гражданскую войну и страшную нищету»⁵⁸. Эта мысль повторяется у Прудона как павязчивая идея, выдавая его растущий страх перед неумолимым ходом событий. «Необходимо было одновременно и успокоить собственность и дать гарантии пролетариату, примиряя их антагонистические интересы, они же ведут их к столкновению и раздувают пожар гражданской войны»⁵⁹. — негодует Прудон по адресу членов Временного правительства.

Возмущение его содержало в слитном виде две мысли, которые следует различать. С одной стороны, он всячески подчеркивал коренное отличие эпох и задач и доказывал, что между революциями 1789 и 1848 г. нет ничего общего. С другой — осуждал не только смешение задач, но и революционный опыт 1789—1794 гг., необходимость революционной политики вообще. Впоследствии постепенно раскроется, что Прудон, в сущности, осуждал революционную политику даже применительно к революции конца XVIII в. считая, что ее истинный характер не так уже отличался от характера революции 1848 г., но был извращен политическими партиями и, в первую очередь, якобинцами. Но в «*Solution du problème social*» он еще расценивал 1848 г. как полную противоположность великой революции. В письмах к безансонским друзьям-землякам он старался убедить их, что «история не повторяется... с диктатурой, как и с ассигнатами, войной против Европы, террором и Наполеоном покончено. Эпопея для нас окончена; что бы ни говорили и как бы это не казалось тривиальным, мы осуждены делать дело не героев, а приказчиков. Февральская революция есть экономическая революция, то-есть то, что всего

⁵⁶ P.-J. Proudhon. *Solution du problème social*, p. 61.

⁵⁷ *Ibid.*, p. 55—56.

⁵⁸ *Ibid.*, p. 61.

⁵⁹ *Ibid.*, p. 20.

более является разночинным (*roturier*), буржуазным, пример наших отцов совершенно бесполезен для нас, мы не подражаем им, они совершили одно, а мы должны сделать другое...»⁶⁰.

Вина Временного правительства в том, что, «будучи целиком во власти своих воспоминаний, оно, вместо того, чтобы говорить, как экономисты, отвечает нам, как якобинцы»⁶¹. Там, где Маркс видел лишь жалкое, трусливое эпитонство старой борьбы с целью увильнуть от борьбы новой, — там Прудону мерещилось возобновление революционной диктатуры, угроза нового террора, нового Комитета общественного спасения.

На первых порах кажется, что Прудон критиканствует. Он осуждает всё и вся, он порицает Временное правительство и за отказ от красного знамени⁶², и за отмену смертной казни по политическим преступлениям⁶³, но вместе с тем и за привлечение к ответственности экс-министров июльской монархии⁶⁴, и за декрет, освобождавший чиновников от их присяги на верность монархии⁶⁵. Постепенно, однако, критика Прудона приобретала более определенные очертания. Она сосредоточивалась на тех мероприятиях Временного правительства, которые непосредственно задевали область взаимоотношений эксплуататоров и эксплуатируемых. Прудон обвинял Временное правительство в том, что оно своей политической «показывает кулак капиталу»⁶⁶ и наводит страх на буржуазию.

Учитывая популярность лублановских идей и соответствующих мероприятий Временного правительства, Прудон предпочитал пока что говорить обиняками. Однако резоны его критики постепенно становятся все яснее. Начав с сомнений относительно гарантий «организации труда» (гарантия эта, подчеркивал Прудон, дана не от имени республики, а от имени Временного правительства, «но что это, скажите на милость, за гарантия, данная временным учреждением?»)⁶⁷, Прудон быстро переходит к критике производственных ассоциаций и поддерживаемых государством национальных мастерских, доказывая, что государство неспособно обеспечить им капиталы и рынки сбыта. «А работа?... А рынки?... А покупатели?... А капиталы?...»⁶⁸, — вставляет Прудон ехидные вопросы, перечисляя люксембургские проекты. Но как только Прудон переходил к оценке декрета об уменьшении рабочего дня — шило вылезало из мешка. Вынужденный маскировать свою критику, Прудон начинал с того, что объявлял заботу рабочих о своих интересах естественной «для этой развращенной с колыбели республики», где «оспаривают друг у друга должности, поручения, полномочия и все, что приносит деньги...»⁶⁹. Скрытый в этих словах намек расшифровывался тогда, когда Прудон характеризо-

⁶⁰ P.-J. Proudhon. Correspondance, t. VI, p. 373. Appendice. Письмо к Gaudon от 10 апреля 1848 г.

⁶¹ P.-J. Proudhon. Solution du problème social, p. 20.

⁶² «Отвергать красное знамя, багряный цвет! Но тем самым вы же отбрасываете социальный вопрос» (P.-J. Proudhon. Solution du problème social, p. 21).

⁶³ Прудон доказывал, что как принцип это лишено смысла: расстрел воров на месте преступления баррикадными бойцами в февральские дни доказывает, что «есть такие политические преступления, которые народ считает достойными смерти...» (ibid., p. 22).

⁶⁴ Прудон считал, что революция свергла министров Луи Филиппа не за то, что они нарушили законы, она отрицала саму конституцию, саму монархию, т. е. она изменила всю легальную почву в стране. Вследствие этого Гизо и К^о ответственные теперь не юридически, а лишь «перед своей совестью и историей» (ibid., p. 23).

⁶⁵ Эта мера не нужна и излишня: поскольку монархия была мертва, переход от нее к республике столь же натурален, как переход власти от Людовика XVIII к Карлу X (ibid., p. 24).

⁶⁶ P.-J. Proudhon. Solution du problème social, p. 30.

⁶⁷ Ibid., p. 24.

⁶⁸ Ibid., p. 25.

⁶⁹ Ibid., p. 26.

вал требования рабочих как стремление «получать больше, а работать меньше», когда он подчеркивал, что эти требования законны лишь в рамках «политической экономики Временного правительства»⁷⁰. На этот раз Прудон отказывался от преклонения перед «народной волей», которая в данном случае пошла вразрез с его собственными сокровенными идеями. Он заявлял: «Признаюсь, я вовсе не узнаю в этом логики моего народа»⁷¹. Прудон негодует по поводу мер Временного правительства, направленных на соблюдение предпринимателями и местными властями декрета об уменьшении рабочего дня на 1 час. «Произвол», «застрачивание», «насилие», «тирания» — так квалифицирует он эти меры⁷².

Заметим принципиальное значение этой критики. Прудон назвал «политической экономией Временного правительства» то, что было как раз существеннейшим пунктом политической экономики рабочего класса. Несмотря на все свои антифритредерские диатрибы, Прудон оказался на стороне политической экономики буржуазии, как только дело коснулось рабочего вопроса. Прудон осуждал декрет Временного правительства о сокращении рабочего дня не только политически, но и, так сказать, теоретически, объявляя невежественной самую попытку государственного вмешательства в отношения капитала и труда. «Можно ли постичь этих романтиков террора, которые в 1848 г. принимают промышленных предпринимателей за феодальных сеньоров, рабочих за крепостных, а работу за барщину? которые после столь тщательного изучения вопроса воображают, будто современный пролетариат является продуктом угнетения со стороны какой-то касты? которые игнорируют,— или делают вид, что игнорируют,— что установление часов работы, определение заработной платы, разделение труда, развитие конкуренции, создание из капитала монополий, порабощение тела и души трудящегося есть результат системы фатальных причин, так же не зависящих от воли хозяев, как от воли подмастерьев?»⁷³

Эти плоские максимы вульгарной политической экономики и были теоретической основой прудоновской критики экономической политики Временного правительства. Об этом свидетельствовало в особенности недовольство Прудона решением правительства возложить издержки сокращения рабочего дня «поровну» на предпринимателей и на рабочих. Что именно возмущало здесь Прудона? Не то, что у повременных рабочих снизится заработная плата, а то, что, работая отныне 10 часов, рабочие будут получать плату за 10½ часов, предприниматели будут нести дополнительные расходы по оплате этого получаса! Прудон дает понять, что эта политика невыгодна не только буржуазии, но и самому пролетариату, благополучие которого — доказывает он главный тезис буржуазного социализма — тесно связано с благополучием буржуазии⁷⁴.

Обращает на себя внимание, что в критике Временного правительства Прудон отвел довольно скромное место финансовой и налоговой политике. Он ограничился лишь беглой и суммарной оценкой декретов о блокировании вкладов в сберегательные кассы, о повышении земельных налогов на 45%, принудительном курсе банкнот Французского банка и др. Это объясняется, без сомнения, тем, что детальный разбор финансовой и кредитной проблемы был предпринят Прудоном в другом месте — в брошюре о кредите и обращении и проекте «Банка обмена», который он тогда уже готовил к опубликованию. В этой части прудоновской критики

⁷⁰ P.-J. Proudhon. Solution du problème social, p. 26.

⁷¹ Ibidem.

⁷² Ibidem.

⁷³ Ibid., p. 27.

⁷⁴ Ibid., p. 29.

бросается в глаза презрительно-снисходительный тон человека, владеющего секретом решения тех задач, которые непосильны для мудрецов «Националя» и «Реформы». Их финансовая политика, подчеркивал Прудон, противоречива в самой своей основе. Правительство показывает кулак капиталу и в то же время простирается ниц перед монетой в сто су. Оно хочет уничтожить финансистов, банкиров и ростовщиков и в то же время поклоняется золотому тельцу. Более всего негодует Прудон по поводу того, что правительство, возвещая о своих намерениях национализировать железные дороги и шахты, обложить богачей специальными налогами, уменьшить ренты и оклады, сеет панику среди буржуазии. «Вы провоцируете обесценение всех финансовых, промышленных и недвижимых ценностей, вы осушаете источники всех доходов, вы замораживаете кровь в венах торговли и промышленности, а затем вы заклинаете деньги обращаться и умоляете пришедших в ужас богачей, чтобы они не придерживали их!»⁷⁵ Прудон требовал, чтобы «диктаторы», как называл он членов правительства, прекратили «эти демонстрации терроризма, которые заставляют капиталы бежать от революции, как псов от городской стражи»⁷⁶. Прудон советовал правительству вернуться к консервативной политике status quo, ибо «в том двусмысленном положении, в каком вы находитесь, вы не можете запретить себе затрагивать собственность, но если вы посягнете на собственность, вы погибли»⁷⁷.

Мы хотели бы подчеркнуть эту последнюю фразу Прудона несколькими чертами.

Как и во всех других случаях, Прудон заявлял себя противником законодательного вторжения в эту область, пока речь шла об ущемлении интересов капитала. Он против государственной финансовой политики, когда она является или кажется антибуржуазной государственной политикой. Когда же дело дойдет до его собственных кредитно-финансовых проектов, то он не преминет включить в них широкое использование государственной власти и законодательства. В ожидании этого Прудон и рекомендует Временному правительству политику status quo, означавшую на деле отказ от всякого нажима на буржуазию и капитал.

Следует разобраться и в вопросе о том, в чей же адрес метал Прудон свои критические стрелы, где усматривал он зловредный источник «якобинизма» Временного правительства? В грехах Временного правительства он винил не столько буржуазных республиканцев, сколько социалистов и демократов — «увивающиеся вокруг правительства секты»⁷⁸. Буржуазные республиканцы повинны в невежестве, в непонимании «идей» революции, в том, что они принимают за «голос народа» то, что является лишь «завыванием толпы»⁷⁹, — иначе говоря, «уступают нажиму улицы», пролетарских масс, революционной печати и клубов. Обращаясь к Временному правительству, Прудон писал: «Воздержитесь, сколько вы только сможете, воздержитесь от реквизиций, конфискаций, будьте сдержанны в увольнении с постов»⁸⁰. Таковы советы, которые давал Прудон Временному правительству в ожидании того момента, когда он сможет преподнести свой собственный проект социальной реформы, которая должна устроить и буржуазию и пролетариат, примирить их и положить конец классовой борьбе в стране.

Предвкушая это, Прудон старался успокоить буржуазию и рассеять ее страхи. Адресуясь к бывшей династической оппозиции, к «пугливым,

⁷⁵ Ibid., p. 30.

⁷⁶ Ibid., p. 31.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Ibidem.

⁷⁹ Ibidem.

⁸⁰ Ibidem.

как козочка, буржуа»⁸¹, Прудон уговаривал их не бояться происшедшей революции. Указывая на непоправимость случившегося, Прудон убеждал буржуазию в неосновательности ее опасений за будущее. Он подсказывал буржуазии линию поведения, которая могла бы избавить ее от опасностей гражданской войны и экспроприации и сохранить за ней руководящую роль в общественных и государственных делах: надо, чтобы буржуазия сама возглавила социальную реформу и не выпускала из своих рук гегемонии над массами.

Все эти мысли Прудон старался представить как «profession de foi» пролетариата, от имени которого он якобы говорит. Следующий отрывок из обращения Прудона к буржуазии выразительно характеризует его взгляды: «Революция 1848 г. есть ликвидация старого общества, отправления пункт общества нового. Эта ликвидация несовместима с восстановлением монархии. Она не свершится в один день, а продолжится 25, 50 лет, может быть, целый век. Мы могли бы произвести ее без вас, против вас, но мы предпочли, чтобы она была совершена вами. Вы являетесь здесь, так сказать, по праву старшинства, по превосходству своих средств, по своей практической сноровке естественными главарями (les syndicats naturels). Вам par excellence надлежит организовать труд. Мы не хотим реформы во вред кому бы то ни было, мы хотим ее в интересах всех»⁸². Конечно, оговаривается Прудон, буржуазии придется смириться с тем, что некоторая часть ее собственности будет трансформирована, но это не будет экспроприацией буржуазии, последняя получит должное вознаграждение. «Несомненно, что параграфы новой хартии модифицируют ваши права,— разъяснял Прудон буржуазии существо намечаемых им реформ,— это часть той оголенной собственности (nu-propriété), которая так дорога вам, из индивидуальной, какой она является теперь, превратится во взаимную (réciproque). Вы можете быть экспропрированы, но лишены владений — никогда... Эта оголенная собственность — единственной, по нашему мнению, причина ваших затруднений и нашей нищеты — не будет взята у вас без вознаграждения, иначе это было бы конфискацией, насилием и кражей...»⁸³. Для успокоения буржуазии Прудон не останавливался перед ссылкой на пример мирных коммунистов. Их идеи общности весьма неопределенны. «Под общностью коммунисты понимают лучшее средство, которое отыщет философия для создания свободы, равенства и братства». Но Прудон имеет здесь в виду лишь коммунистов мирного толка, сторонников Каба, присоединяя к ним и сторонников Консидерана. Другое дело — коммунизм революционный, бланкизм. Здесь Прудон не только не рассеивал страхов буржуазии, напротив, он охотно вызывал призраки «старого якобинизма, соединенного с бабувизмом»⁸⁴, чтобы воздействовать на буржуазию и склонить ее к поддержке своих реформаторских проектов.

Так же как и перед революцией, Прудон ищет соглашения скорее с консервативной монархической буржуазией, чем с людьми «доктринерской демократии», республиканцами. Ему бы хотелось оторвать монархическую буржуазию от буржуазных республиканцев, лишить последних поддержки со стороны большинства буржуазии. Перед «консерваторами», подчеркивал Прудон, стоит выбор между двумя путями, двумя видами политики: либо вступить в соглашение с пролетариатом, не заботясь о форме правительства и о предварительном учреждении за-

⁸¹ P.-J. Proudhon. Solution du problème social, p. 32.

⁸² Ibidem.

⁸³ Ibidem. Под «оголенной собственностью» Прудон подразумевал собственность в «голом» (т. е. чистом) виде — денежную форму собственности.

⁸⁴ Ibid., p. 34.

конодательной власти, равно как и исполнительной. В этом случае соглашение будет вполне благоприятным и его параграфы станут конституцией Франции, хартией 1848 г. Или же они присоединятся к доктринерской демократии. В таком случае, предупреждает Прудон монархическую и консервативную буржуазию, она не только не добьется политической стабилизации в стране, порядка и безопасности, но, наоборот, породит новый тур революций и гражданскую войну, которая закончится гибелью буржуазии. «В этом случае, говорю я вам с болью, ничто не будет свершено (*rien de fait*) и, как при Луи Филиппе, вскоре все придется начать сызнова... Опять будет 10 августа, 21 января, 2 июня, 9 термидора, дни прерриала и вандемьера, 29 июля, 24 февраля. Вы увидите вновь сцены à la Буассе Д'Англа, вам нужно будет каждодневно возобновлять убийства Сен-Рока и улицы Трансноэн, и это не помешает тому, что в конце концов вы жалко падете от народных пуль»⁸⁵. Такова альтернатива, которой Прудон застраивал буржуазию.

Мысль Прудона станет ясной, когда мы поймем, что же, по его мнению, способно было объединить пролетариат и консервативную буржуазию против «доктринеров демократии». Общей почвой для их соглашения Прудон считал присущий им утилитарный подход к проблеме государства. превалирование у них материальных интересов над политическими доктринами. «В делах политики и религии пролетариат, как и вы — скептик,— заверял Прудон, обращаясь к консерваторам.— Государство, в наших глазах, есть городской (*sergent de ville*), полицейский слуга труда и капитала. Пусть организуют его как хотят, лишь бы, вместо того, чтобы командовать, оно повиновалось»⁸⁶.

В этом характерном для Прудона рассуждении нельзя не почувствовать отголоска разглагольствований реакционной публицистики его времени о наступившем «веке материализма», о «духовной скудости» масс, движимых якобы одними материальными интересами. Ставя знак равенства между «материализмом» верхов и «материализмом» низов, между материализмом буржуазии, поглощенной накоплением капитала, погоней за профитом, и борьбой за существование задавленных нуждой, голодом и эксплуатацией трудящихся масс, Прудон разделял в глубине души реакционнейшие буржуазные воззрения на массы. Эта тайна мировоззрения Прудона найдет в дальнейшем многократное подтверждение в его высказываниях о причинах поражения революции и в его симпатиях к бонапартизму как политическому течению, исходившему в своих расчетах из представлений о примате непосредственных эгоистических материальных интересов над всеми другими.

И еще один момент обращает на себя внимание в приведенном заявлении Прудона. Отводя государству роль простого «стража порядка» в обоюдных интересах и буржуазии и пролетариата, Прудон вооружался критерием оценки демократии как формы государства.

* * *

Ставшая печально знаменитой в летописях французской общественной мысли критика демократии у Прудона может быть понята лишь в свете его общей позиции по отношению к февральской революции. Мы уже иллюстрировали многочисленными выдержками из дневника, писем и статей Прудона сущность этой позиции, определявшейся страхом перед всем, что разжигает классовую борьбу и углубляет классовые противоречия между пролетариатом и буржуазией. Страх этот объяснял

⁸⁵ *Ibid.*, p. 34—35.

⁸⁶ *Ibid.*, p. 34

и прудонистскую критику демократии. Прудон начал эту критику с вопроса, может ли демократия парламентского типа, даже основанная на всеобщем избирательном праве, выразить подлинную волю народа, представлять аутентичным образом его суверенитет. На этот вопрос Прудон категорически давал отрицательный ответ. Этот негативный ответ пред- рещался самой постановкой вопроса, исходившей из абстрактного понятия «народа» как единого целого, ничем не разделяемого изнутри, обладающего единой волей, единым мнением, единой «идеей». Было совсем нетрудно доказать, что всеобщее избирательное право и представительная демократия не выражают этой единой воли народа, а следовательно, и суверенитета единого народа. Достаточно было перечислить, как это делал Прудон, многочисленные проекты политических и социальных реформ, циркулировавшие в обществе и в печати после революции, и спросить себя — «какой же из них выражает мнение народа?»

Мысль Прудона бьется над вопросом — что же такое народ, если в нем существуют и борются между собой антагонистические интересы, мнения и идеи. Он не хочет и не способен сделать вывод о том, что понятие «единого народа» иллюзорно и ошибочно, что исторической реальностью является народ, разделенный на классы. Довольно убедительно разоблачая и разрушая мифы о парламентарной демократии как выражении и олицетворении народной воли и суверенитета, Прудон совсем не отрицал, что народ един и неделим. Он обвинял демократию в том, что она неспособна выразить аутентичным образом волю и суверенитет этого фантастического «единого народа».

Последнее было постулатом, служившим предпосылкой всего анализа проблемы демократии у Прудона: «Главная трудность состоит в том, чтобы заставить народ говорить и действовать как один человек».

Цель аргументов, доказывавших неспособность демократии решить этот главный вопрос, была Прудоном составлена из разнородных звеньев. Наряду с оригинальными положениями, мы встречаем здесь и излюбленные доводы критиков буржуазной демократии из консервативного лагеря буржуазной мысли. Заметно здесь, в частности, влияние полемических выступлений Гизо против избирательной реформы.

Следует также отметить влияние известной в ту пору книги Токвиля «О демократии в Америке», тем более что это очевидное влияние не было отмечено ни биографами Прудона, ни его исследователями — «неопрудонистами». Между тем простое сравнение текстов помогло бы выявить отзвуки мыслей Токвиля в прудоновской критике демократии, в частности в рассуждениях о неустойчивости влияния всякого демократического правления, о «тирании большинства» в демократическом правительстве «бедноты», о «расточительности» демократии, о присущих ей централизованных стремлениях и т. п. Наличие в прудонизме подобных заимствований у реакционной и консервативной буржуазной политической мысли не может удивить исследователя-марксиста, видящего в этом типичное свойство мелкобуржуазной идеологии: по природе своей она способна впитывать в себя реакционные идеи других классов и в особенности господствующих классов и брать их на вооружение.

Надо заметить, однако, следующее. Прудон, столь восприимчивый к реакционным веяниям его эпохи, все же никогда не прибегал к простому плагиату. Эклектическое мировоззрение Прудона предрасполагало его к подобным заимствованиям, но он то пригибал чужие идеи до своего уровня, то, наоборот, вытягивал их, если они были ниже, однако при этом влетал их в ткань собственных мыслей, как уток в основу, иногда передушивая до неузнаваемости. Так было и с токвилевской консервативной критикой демократии. Выводы Токвиля страдали, как известно, про-

тиворечиями. Токвиль, с одной стороны, настойчиво доказывал неустойчивость демократических режимов и констатировал заложенные в них тенденции революционных потрясений буржуазного общества. Однако в целом Токвиль приходил к утешительным выводам о том, что «демократия по сущности своей не только не влечет людей к революциям, но заставляет бояться их», она «отдаляет от революции»⁸⁷. Прудон, как мы видели и еще увидим, решительно отвергал такие успокоительные выводы, он улавливал разницу между США и Францией, с ее революционными традициями, высокой политической активностью пролетариата и трудящихся масс и резким обострением классовых противоречий. Критика Прудона как бы воспроизводила произносимую вполголоса критику демократических преобразований февральской революции со стороны буржуазии, ее контрреволюционные страхи и опасения, ее боязнь последствий того влияния, какое завоевал тогда пролетариат на государственные дела.

Это не значит, что прудоновская критика демократии была навеяна лишь политической обстановкой и тревогами буржуазного общественного мнения февральского периода. Теоретические послышки этой критики сложились задолго до февральской революции, так же как и ее руководящие социально-политические идеи. Но они носили характер негативный, были разрознены и не воплощены в какой-либо конструктивной программе. Революция была событием, превратившим эти взгляды в концепцию.

Часть критических замечаний Прудона была направлена против формального характера демократии, провозглашенной февральской революцией. Это было сильной стороной его критики, которая, как и позднее, направлена была против фетишей буржуазной демократии и показывала ограниченность ее апологетов, в особенности из лагеря «Реформы» — всех этих Луи Бланов, Ледрю-Ролленов, Ф. Пиа и прочих «неоякобинцев» 1848 г. Однако его критика не останавливалась на этом, она шла гораздо дальше этой ближайшей цели. Она осуждала демократические институты вообще и, в первую очередь, основной из них — всеобщее избирательное право. Прудон развенчивал всеобщее избирательное право, так как видел в нем возможное средство господства пролетариата над буржуазией. В момент, когда завоевание всеобщего избирательного права составляло важнейшую веху политического развития французского народа, когда чартисты выдвинули лозунг всеобщего избирательного права как средства завоевания пролетариатом политической власти и приковали к этому лозунгу внимание европейского рабочего движения и социализма, такая критика всеобщего избирательного права приобретала сугубо реакционное значение.

Первый аргумент Прудона гласил: «Демократия есть замаскированная аристократия». Прудон доказывал, что при существующем строе выбор народом своих представителей неизбежно падет на буржуа, на «людей таланта и достатка, ибо «кого же вы хотите, чтобы они выбрали своими представителями, эти подмастерья, поденщики, люди нужды, как не своих буржуа»⁸⁸. Но Прудон не только не понял заключенного здесь вопроса, но даже не увидел его, хотя так близко к нему подошел. Если народное представительство неизбежно попадает в руки буржуазии, то ошибочны все надежды на возможность осуществления социальных реформ с помощью всеобщего избирательного права. Наоборот, «с первых же шагов становится очевидным, что социальная реформа никогда не выйдет из реформы политической, напротив, политическая реформа должна выйти из социальной реформы»⁸⁹. Сделав этот вывод, Прудон спешит

⁸⁷ А. Токвиль. О демократии в Америке. М., 1897, стр. 516, 519.

⁸⁸ P.-J. Proudhon. Solution du problème social, p. 48.

⁸⁹ Ibidem.

объявить всякую попытку организовать правительство на началах народного представительства чисто формальной заменой монархии республикой. Прудон даже отдавал предпочтение первой: в этом случае отбор господствующего класса происходит по имущественному цензу, во втором же — по «прихоти избирательной толпы»⁹⁰, т. е. случайно, «под влиянием местных страстей, предрассудков, из ненависти к людям и к принципам...»⁹¹. «Охотно признаю,— говорил Прудон,— что мы будем иметь аристократию по своему выбору вместо аристократии естественной, но аристократию — взамен аристократии, и я предпочитаю вместе с Гизо аристократию неизбежную аристократии случайной (*du bon plaisir*); ведь неизбежность ни к чему меня не обязывает»⁹². Последнюю фразу необходимо правильно понять: она, конечно, говорит не о симпатиях Прудона к сословному строю, а о признании натуральным господства буржуазии, так как под «естественной» аристократией он понимает именно буржуазию — «класс, таланты и богатства которого предназначают его быть естественной элитой народа»⁹³.

Таким образом, Прудон осуждал представительную демократию не за то, что она сохраняет господство буржуазии, а скорее, за шаткость системы ее господства. Вот почему Прудон не видел в представительной демократии исторического прогресса.

«Демократия построена на исключениях и доктринерстве»,— гласил вывод, который Прудон сделал своим вторым аргументом против демократии.

На чем же покоился этот вывод?

Прудон уличал избирательную систему Временного правительства в многочисленных противоречиях, в отступлениях от принципов в угоду предвзятой доктрине. Избирательное право, констатировал Прудон, вовсе не является всеобщим: его лишены четыре пятых населения, женщины, молодые люди до 21 года, слуги, лица, подвергавшиеся судебным наказаниям. Доказывает ли Прудон несправедливость, неправильность этих ограничений избирательного права? Отнюдь нет. Его критика не вскрыла классового смысла всех этих отступлений. Доводы буржуазных теоретиков государственного права, обосновывавших эти отступления необходимостью поддержания «мира в государстве», «спокойствия семьи» и т. д., он признавал «серьезными возражениями» и не собирався опровергать. Но, указывает Прудон, будьте логичными и последовательными: на тех же основаниях надо лишить избирательного права большую часть рабочих. «Семь десятых этой категории получают помощь общественной благотворительности; они будут, следовательно, вотировать самим себе цивильный лист, повышение заработной платы, уменьшение труда и, уверяю вас, они не преминут это сделать, если только их делегаты будут представлять их. Пролетариат будет в Национальном собрании, как чиновники в палате Гизо,— судьей в своем собственном деле, черпая из бюджета и ничего не вкладывая в него, являясь опорой диктатуры до тех пор, пока налоги не истощат капитал, а собственность не перестанет производить что-либо, и тогда всеобщее банкротство приведет к тому, что парламентское нищенство лопнет»⁹⁴. Обвинение в непоследовательности выглядело, таким образом, у Прудона, как косвенное осуждение всеобщего избирательного права и было в сущности не чем иным, как этим осуж-

⁹⁰ P.-J. Proudhon. *Solution du problème social*, p. 48.

⁹¹ *Ibidem*.

⁹² *Ibidem*.

⁹³ *Ibidem*.

⁹⁴ *Ibid.*, p. 51—52.

дением. Еще яснее это выступало наружу в дальнейших аргументах прудоновской критики демократии.

Третий аргумент Прудона, гласивший «Демократия — это остракизм», доказывал, что депутат, который посылается гражданами, «чтобы именем народа примирить все идеи и все интересы», представляет в действительности не народные интересы, а лишь интересы избравшего его большинства, в связи с этим интересы и мнение меньшинства демократией элиминируются и «закон, который должен был бы быть выражением воли всего народа, является лишь выражением воли половины народа»⁹⁵. Указанный порок демократии не устранила бы в глазах Прудона и пропорциональная и всякая иная система выборов, обеспечивающая представительство меньшинства. В этом случае, вместо примирения интересов большинства и меньшинства, имела бы место их взаимная борьба, тогда как, подчеркивал Прудон, «вопрос заключается в том, чтобы знать, как все эти отличающиеся друг от друга и антагонистические идеи будут содействовать закону и найдут в нем свое примирение»⁹⁶.

Мы возвращаемся здесь снова к тому же главному пороку демократии, вокруг которого вращаются все мысли Прудона. «Как обеспечить одновременно и безопасность для буржуазии и гарантии для пролетариата? Как сольются эти противоречивые желания, эти противоположные тенденции в общей равнодействующей, в едином, универсальном законе? Демократия далека от возможности решить эту трудную задачу, все ее искусство, вся ее наука состоит в том, чтобы отсечь ее»⁹⁷. Отсюда-то и начинается движение главной мысли прудоновской критики, мысли, раскрывающейся во всех последующих аргументах. Впадая в забавное противоречие с только что высказанным утверждением, что демократия есть замаскированное господство аристократии, т. е. буржуазии, Прудон обвиняя теперь демократию в противоположном. «Демократия есть не что иное, как тирания большинства, самая презренная тирания из всех, так как она не опирается ни на авторитет религии, ни на прерогативы таланта и богатства, ни на благородство расы; она имеет основанием число, а маской — имя народа»⁹⁸. Смысл этого обвинения становился вполне ясным из следующего, четвертого аргумента — «Демократия есть форма абсолютизма». Этот аргумент был не только самым парадоксальным из всех, но и наиболее ясно раскрывал смысл всей постановки вопроса у Прудона. Обосновывая свое парадоксальное суждение, Прудон ставил на голову действительные отношения классов в рамках буржуазной демократии: он видел в последней опасную «тиранию пролетариата»⁹⁹ над буржуазией. Эта «сущность демократии в чистом виде»^{100—101} наглядно проявляется, по мнению Прудона, в том, что она отвергает систему императивных мандатов и право отзыва и смены депутатов избирателями. Прудон объяснял это тем, что демократии нужны депутаты-посредственности, послушно голосующие за правительство. Монархия, чтобы иметь возможность покупать голоса депутатов, требовала, чтобы депутаты были людьми способными или богатыми; демократии в тех же целях нужны депутаты неспособные или неимущие.

С помощью подобных рассуждений Прудон приходил к выводу, кричаще противоположному действительности: при демократии не буржуазия коррумпирует парламент и депутатов, а пролетариат, который

⁹⁵ Ibidem.

⁹⁶ Ibidem.

⁹⁷ Ibidem.

⁹⁸ Ibid., p. 56.

⁹⁹ Ibid., p. 61.

^{100—101} Ibid., p. 59.

использует преобладание посредственностей в парламенте, чтобы навязать им свои требования и использовать государственные средства для своих нужд. «Рухнувшая система могла быть определена, как управление обществом буржуазией, т. е. аристократией таланта и богатства. Та же система, которую стараются установить в данный момент,— демократия, может быть определена, в противоположность этому, как управление обществом опромным большинством граждан, имеющих мало таланта и совсем никакого имущества... При представительной монархии неизбежно, что народ эксплуатируется буржуазией, а при демократическом правлении — что он эксплуатируется пролетариатом»¹⁰². Вот почему, утверждал Прудон, отказ от императивных мандатов и от права досрочного отзыва депутатов есть «условие стабильности» демократии, так как «если бы демократическое собрание состояло из буржуа, людей, сильных знаниями и богатством, преданных своим принципам и могущих быть мгновенно смещенными, если они им изменили, то диктатура масс быстро пала бы и пролетарий вернулся бы в свое пролетарское состояние (et le prolétaire rentrerait dans son prolétariat)»¹⁰³.

Так была высказана, наконец, вслух мысль, составлявшая самую подоплеку критических атак Прудона против демократии. Можно ли было отчетливее выразить тот страх, который Прудон разделял вместе со всей буржуазией,— характерный для нее в первые недели революции страх, что проводимая Временным правительством вынужденная политика показных уступок пролетариату будет необходима и в Учредительном собрании, если случится, что в нем будут преобладать представители трудящихся масс?

Против этой перспективы и были направлены выпады Прудона по адресу демократии. Критикуя ее, Прудон, в сущности, осуждал пролетариат за то, что тот стремился использовать в своих интересах влияние на государственные дела, завоеванное в дни февральской революции. Не лишне заметить, что Прудон, так недавно превозносивший «утилитарный» подход буржуазии к государству, решительно осуждал тот же утилитарный взгляд на государство, если взгляд этот вел к намерению использовать государственную власть в интересах пролетариата. Прудон негодует по поводу поведения пролетариата после февральских дней. «Демократия смогла постичь одну лишь вещь,— что власть, перейдя от привилегированного класса к классу трудящихся, становится для последнего средством освобождения за счет первого; что, следовательно, власть есть средство достижения свободы для пролетария путем уменьшения работы, увеличения заработной платы, участия в прибылях хозяев и т. д.; средство достижения равенства путем реформы налога, превращаемого из пропорционального в прогрессивный; путем создания невыгодных условий для предпринимателей благодаря премиям, выдаваемым государством трудящимся так называемых национальных мастерских и уплачиваемым предпринимателями; путем применения принципа выборности ко всем должностям; средство осуществления братства путем создания касс вспомоществования, пенсий по выходе в отставку и всякого рода филантропических учреждений, содержимых за счет богатых и идущих на пользу пролетариям»¹⁰⁴. Так конкретно представлялась Прудону угроза «парламентского нищенства» пролетариата, опасность которого возрастала в его глазах в связи с приближением выборов в Учредительное собрание.

Мы хотели бы подчеркнуть, что Прудон во всем этом видел не случайность, а некую закономерность, фатальную тенденцию всякой демокра-

¹⁰² P.-J. Proudhon. Solution du problème social, p. 60.

¹⁰³ Ibidem.

¹⁰⁴ Ibid., p. 71.

тии вообще. Дело в том, заявлял Прудон, что демократия вместо того, чтобы сдерживать и обуздывать эгоистические стремления трудящихся масс, сама их развязывает, культивирует, дает толчок их развитию. Причина — в самой природе демократического волеизъявления, неотъемлемым свойством которого является разъединение, раскалывание нации. «Если монархия — молот, который расплющивает народ, то демократия — топор, который раскалывает его...», — так формулирует Прудон свою мысль¹⁰⁵.

Повторением этого важнейшего положения служил и пятый аргумент прудоновской критики демократии: «Демократия материалистична и атеистична». Сей странный в устах автора изречения «бог — это зло» тезис доказывался следующим образом: «Всеобщее избирательное право есть некий вид атомизма, посредством которого законодатель, будучи не в состоянии заставить народ говорить как единое существо, приглашает граждан выражать свое мнение *par tête, ad viritum* совершенно так же, как эпикурейский философ объясняет мысль, волю, разум комбинацией атомов. Это — политический атеизм в самом дурном значении этого слова»¹⁰⁶.

Остановим внимание на данной мысли Прудона. Прудон обвинял демократию в том, что она атомизирует «единую волю» народа, расщепляя ее на приватные интересы. Не называя Бентама, Прудон приводил аргументацию философа «утилитаризма» в пользу всеобщего избирательного права, причем — как мы видели — он в сущности не опровергал Бентама, но лишь оценивал отрицательным знаком то, что последний оценивал положительным. Прудон конструировал здесь противоречие, противоположность между волей народа и суммой индивидуальных волей граждан. Эта конструкция порождалась беспомощностью его мелкобуржуазной концепции перед лицом факта, бывшего камнем преткновения для всех теорий единства нации, народа. Буржуазное общество, единство которого так подчеркивал и тщился создать Прудон, представляло собой в действительности картину всеобщей конкуренции, универсального эгоизма, картину «войны всех против всех». Всеобщее избирательное право не могло не отражать этой же картины взаимоотношений, антагонистических волей и интересов. Оставалось признать его непригодным к выражению воображаемой «единой воли» народа, равно как и для упрочения этого «единства».

Целясь в Руссо и других сторонников теории «общественного договора», Прудон доказывал, что демократия и всеобщее избирательное право исходят из ложного отправного пункта, неверно понимая характер и природу общественных связей между людьми. Его аргументация была сильной в той части, где она показывала несостоятельность руссоистского учения. «Демократия предполагает а priori абсолютную независимость граждан. Она не допускает между ними иной солидарности, чем та, на которую они добровольно согласились. Идея, какую она создает себе об обществе, есть идея договора, открыто признаваемого или молчаливо подразумеваемого, параграфы которого являются выражением суверенной в себе и неприкосновенной воли. Свободу и равенство она понимает лишь по-варварски, т. е. как негативные права, первое — как свободу от всяких преград, второе — как право не признавать ничего превосходства. Так же как экономисты, она не видит в этом продукта организации, в которой существование каждого есть равнодействующая всех других существований»¹⁰⁷. Но такое критическое обнажение ахиллесовой пяты теории

¹⁰⁵ Ibid., p. 62.

¹⁰⁶ Ibidem.

¹⁰⁷ Ibid., p. 70.

«*contrat social*» вело Прудона не к разрушению доктрины Руссо, а лишь к замене ее не менее ложным доктринерским отрицанием непримиримости классовых противоречий капиталистического общества. Прудон доказывал, что поскольку демократия игнорирует экономическую взаимозависимость, эту органическую и, так сказать, принудительную солидарность между людьми, поскольку она исходит из воображаемой независимости и суверенности каждого человека в отдельности, она обращена лицом к личным интересам, она способна лишь посеять раздоры между членами общества, противоречия между классами. Вот почему Прудон именуется всеобщее избирательное право «раскольническим знаменем»¹⁰⁸ и утверждает: «Что бы ни делали и ни говорили, всеобщее избирательное право — это свидетельство разногласия — может породить лишь разногласие»¹⁰⁹. Призвать трудящихся, эксплуатируемых и неимущих людей выразить посредством избирательного права свою личную волю, значит неизбежно бросить яблоко раздора в самую толщу нации и породить острую борьбу неимущих против собственников, а следовательно — исказить «единую» волю «единого» народа. «Наиболее верное средство заставить народ лгать, это — ввести всеобщее избирательное право. Поголовное голосование в отношении правительственных дел и в качестве средства установления национальной воли в точности то же самое, что в политической экономии новый передел земли. Это — аграрный закон, перенесенный с земли на власть»¹¹⁰.

Вот где в конечном счете скрывалась, по Прудону, тайна неизбежно подрывного, разрушительного влияния демократии на общество. Развивая немного позднее эту же мысль, Прудон ссылаясь на имманентные свойства человеческой природы, придавая им внеисторический характер. В человеке, писал он, существуют два инстинкта: один заставляет его стремиться к сохранению, другой — к прогрессу, и каждый из двух этих инстинктов действует всегда лишь в направлении интересов другого инстинкта. Таким образом, каждый индивидуум, судя о вещах с точки зрения своего частного интереса, понимает под прогрессом развитие этого частного интереса; а так как этот интерес противоположен интересу коллективному, то и сумма голосований, вместо того чтобы выражать общий прогресс, обозначает общий регресс (*rétrogradation*)¹¹¹. Таким образом, прочие свойства всеобщего избирательного права коренятся, по Прудону, в самой природе человека, в его врожденном эгоизме.

Чтобы окончательно выяснить смысл этой концепции, остается ответить еще на два вопроса: к кому обращался Прудон со своей критикой демократии? Куда она звала?

На первый взгляд кажется, что Прудон адресовался прежде всего к пролетариату, от имени которого он говорил. Тезис, что демократия есть «замаскированная аристократия», под которой подразумевалась буржуазия, мог иметь успех, конечно, не у представителей господствующих классов. Но едва став на путь выяснения классового лица буржуазной демократии, Прудон, как мы видели, стал пятиться назад. Во всей остальной его критике демократии мы не найдем развития его первого аргумента. Более того, этот аргумент оказался в явном противоречии со всеми остальными его положениями, доказывавшими, что демократия влечет за собой переход власти в руки трудящихся классов.

¹⁰⁸ P.-J. Proudhon. *Solution du problème social*, p. 63.

¹⁰⁹ *Ibidem*.

¹¹⁰ *Ibid.*, p. 62. На следующей странице Прудон назвал всеобщее избирательное право «политическим аграриатом» («*l'agrariat politique*»). Та же мысль и в тех же выражениях повторялась Прудоном в статье «*Mystifications du suffrage universel*» в газете «*Représentant du peuple*», № 29 от 30. IV 1848 г.

¹¹¹ P.-J. Proudhon. *La Réaction*. — «*Représentant du Peuple*», № 28, 29. IV 1848.

Такой же обманчивый характер носила и глава «*Solution du problème social*», озаглавленная: «Демократия бессильна решить социальный вопрос». В этой главе, как и во всей прудоновской критике демократии, мы не найдем раскрытия действительных причин бессилия буржуазной демократии изменить коренным образом положение трудящихся масс. Здесь Прудон стремится доказать, что демократия неизбежно ищет такого решения социального вопроса, которое представляет «опрокидывание установившихся отношений»¹¹² и ведет к «разорению и уничтожению общества»¹¹³.

Прудон доказывал это, апеллируя к опыту февральских дней. Изображая события этого периода, он (в унисон с буржуазной реакцией) утверждал, что демократические права и свободы, завоеванные пролетариатом в ходе революции, сейчас же сделались орудием воздействия на Временное правительство и средством эксплуатации государственной власти в пользу рабочего класса. Буржуазия и все собственники, за счет которых правительство удовлетворяет требования рабочего класса, охвачены страхом и паникой. Классовые противоречия обострились, в перспективе их дальнейшее обострение, гражданская война.

О том, к кому обращался Прудон, красноречиво говорит следующий отрывок из рассматриваемой нами главы «*Solution du problème social*»: «Демократия будет поощрять сберегательные кассы, разовьет страхование, создаст пенсионную кассу, замостит несколько дорог, произведет облесение нескольких хребтов, расчистит дно нескольких рек, укрепит кое-где грунт; она даст десять миллионов фурьеристам на эксперименты с организацией труда на территории в одно квадратное лье, расселит за счет государства несколько сот трудящихся бедняков. Для этого она увеличит бюджет на 600 миллионов; она завладеет сперва крупной, а затем и мелкой собственностью; она обесценит промышленные и коммерческие ценности; она иссушит источник капиталов: сокрушит свободный труд, потревожит свободную торговлю, умертвит свободное образование, создаст угрозу свободному потреблению, запретит свободные выборы»¹¹⁴. Эти злобные строки не могли, конечно, быть адресованы рабочему классу, они явно апеллировали к буржуазии и мелкой буржуазии, ко всей собственнической Франции и могли посеять лишь контрреволюционные страхи и вражду к рабочему классу.

До каких пределов доходила эта предпринятая Прудоном травля демократии, видно из содержания последнего раздела рассматриваемой главы книги, видвшего заголовок «Демократия стоит дороже, чем монархия» и посвященного доказательству того, что государство при демократии «будет стоять вдесятеро больше, чем при монархии»¹¹⁵. В обоснование столь контрреволюционного тезиса Прудон приводил фантастические бухгалтерские подсчеты, в которые входили и убытки, причиненные стране непосредственно самой февральской революцией, и убытки от углубления экономического кризиса в стране, и ущерб, нанесенный буржуазии и крестьянству финансово-налоговыми мероприятиями Временного правительства, — все это с соответствующими процентами. Не менее демонстративный характер носил и подсчет расходов страны по осуществлению демократии, включавший в себя и расходы по выборам в парламент и в муниципалитеты, и оплату депутатов и других граждан, привлекаемых к управлению государством, и содержание национальной гвардии и т. д. и т. п., — вплоть до расходов на отопление и освещение помещений, используемых

¹¹² P.-J. Proudhon. *Solution du problème social*, p. 71.

¹¹³ *Ibidem*.

¹¹⁴ *Ibid.*, p. 75—76.

¹¹⁵ *Ibid.*, p. 77.

под публичные собрания. Даже если бы эти карикатурные подсчеты и могли сойти за хлесткую фразу публицистического памфлета, их объективный контрреволюционный смысл был бы и тогда бесспорным. Достаточно вспомнить обстановку во Франции перед выборами в Учредительное собрание, когда появились на свет эти подсчеты Прудона, чтобы понять, каким орудием контрреволюционной агитации среди крестьянства и городского мещанства они должны были стать.

Но эти псевдобухгалтерские выкладки представляли собой далеко не только памфлетный гротеск. Этими цифрами Прудон обосновывал положение, являвшееся неразрывной частью всей его теоретико-политической концепции демократии. Прудон так доказывал фатальную дороговизну демократического государства: «Две причины делают демократическое правительство более дорогим, чем монархическое: первая — тенденция к беспрерывному вмешательству всей совокупности граждан в деле управления, вопреки закону о разделении труда...»¹¹⁶. Еще более существенно в этом смысле другая причина: «Демократия предприимчива, она не собирается сохранять *status quo*; она дала пролетариату крупнейшие обещания и намерена сдержать их»¹¹⁷. Отсюда неизбежность расходов по организации труда, на министерства прогресса и общественной благотворительности, на национальные мастерские, опытные фермы, коммун, фаланстеры и т. п. В то же время, доказывал Прудон, ошибочны все расчеты на то, что эти издержки демократии будут перекрыты экономией в управленческих и военных расходах, ростом национального производства и богатства в результате новой организации труда. Вследствие своей неспособности решить социальный вопрос, демократия не сможет уменьшить численность армии и военные расходы, ибо без решения социального вопроса невозможно «республика наций», без чего отдельные нации остаются жить друг возле друга, а следовательно, остаются и «все соперничающие претензии старых правительств». Но кроме целей внешней политики, армия необходима и внутри страны — «чтобы сдерживать пролетариат и собственников, которые уже угрожают друг другу и меряют друг друга взглядами»¹¹⁸.

С особым ожесточением Прудон ополчается против всяких ожиданий роста национального богатства от «организации труда». Его возражения носят здесь наиболее категорический характер. Они любопытны как воинственная манифестация мелкобуржуазной политической экономии, которая повторяет ходячую буржуазную клевету на общественное производство и общественный труд и в то же время рьяно защищает мелкую собственность, доказывая ее преимуществу перед крупной. В первом случае доводы Прудона не представляли ни малейшей оригинальности. «Доказано и показано, что всякая работа, выполняемая государством, обходится в общем на 50% дороже того, что она стоит...»¹¹⁹. Второй довод носил любопытный характер и неоднократно с тех пор повторялся Прудоном. Утверждая, что «организация труда демократией это организация нищеты»¹²⁰, Прудон говорил: «Причина этого факта, кроме общего повышения заработной платы, а также общего уменьшения часов труда, на которые осудила себя демократия, заключается в росте общих издержек (*frais généraux*), которые для общества, как и для государства, должны стоять в обратном отношении к производству, но которые из-за влияния монархических и демократических идей, господствующих в учреждениях и в умах, почти везде стоят в прямом отношении к продукции. Все должны были бы

¹¹⁶ P.-J. Proudhon. *Solution du problème social*, p. 80.

¹¹⁷ *Ibid.*, p. 81.

¹¹⁸ *Ibid.*, p. 82.

¹¹⁹ *Ibid.*, p. 84—85.

¹²⁰ *Ibid.*, p. 85.

знать, но, к несчастью, даже среди экономистов мало кто это знает, что во всяком предприятии общие издержки прогрессивно возрастают вместе с расширением дел предпринимателя, так что есть точка, при достижении которой при прочих равных условиях весь доход поглощается общими издержками»¹²¹. Под этот общий «закон», представлявший теоретическое осуждение крупного производства, Прудон и подводил демократию. «Но демократия это идея государства, растянутая до бесконечности; это объединение всех земледельческих предприятий в одно единое земледельческое предприятие; объединение всех промышленных предприятий в одно промышленное предприятие, всех коммерческих фирм в одну коммерческую фирму, всех командитных обществ в одно командитное общество. Это, следовательно, не бесконечное снижение общих издержек, как это должно быть при республике, а увеличение их до бесконечности»¹²².

После всех этих рассуждений и доводов Прудона делается совершенно ясным тот вопрос, который до сих пор мы намеренно не поднимали, хотя он неоднократно напрашивался сам собой. Это вопрос о том, какую же демократию критиковал и осуждал Прудон, буржуазную или социалистическую? Наш анализ и приведенные многочисленные выдержки из «*Solution du problème social*» показывают, как неосновательно обычное мнение буржуазных, в том числе анархистских, исследователей прудонизма, что Прудон был противником демократии доктринерской, формальной, т. е. демократии буржуазной. Этот вывод неверен и в своем другом виде, когда дело представляется так, будто Прудон критиковал демократию за то, что она — и поскольку она — игнорирует социальный вопрос и занимается одними политическими преобразованиями. В действительности мы видели, что мысль Прудона более многозначна.

Ж. Коньо совершенно прав, отмечая, что Прудона «отличал в выгодную сторону от массы сентиментальных социалистов его времени тот факт, что он не делал из демократии фетиша, тогда как они, возводя в абсолют буржуазную демократию, не понимали ни ее исторической ограниченности, ни ее классового содержания. Но наш яркий критик демократии также абсолютизировал и был таким же метафизиком, какими были они сами»¹²³. Ж. Коньо находит эту метафизику в том, что Прудон подходил к вопросу о демократии с помощью метода, не являвшегося ни конкретным, ни историческим. «Он осуждал демократию вообще, исходя из метафизической концепции свободы, которая для него является прежде всего „духовным принципом“»¹²⁴. Однако за этим «духовным принципом» каждый раз скрывалось реальное содержание. Даже тогда, когда Прудон стирал исторические грани или сливал воедино разные исторические эпохи, это имело совершенно определенный смысл. Мы видели, как умел Прудон, при желании, подчеркивать разницу между задачами революций 1789 и 1848 гг., чтобы запретить последней подражать революционной политике первой. Но еще Ф. Энгельс подметил, что, рассуждая о революции, Прудон «впадает в странное заблуждение, смешивая в одно буржуазную революцию 1789—1794 гг. и грядущую пролетарскую революцию. Он проделывает это почти во всех своих произведениях, особенно после 1848 г. ...»¹²⁵. Точно так же и в рассуждениях о демократии Прудон постоянно и не случайно «сваливает в одну кучу» и ту демократию, которая игнорирует социальный вопрос, и ту, которая занимается им, решая его

¹²¹ *Ibidem*.

¹²² *Ibid.*, p. 86.

¹²³ G. Cogniot. Proudhon et la révolution de 1848.— «Cahiers du communisme», 1948, № 6, p. 583.

¹²⁴ *Ibidem*.

¹²⁵ Ф. Энгельс. К жилищному вопросу.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18, стр. 269.

«якобинскими» методами с помощью революционной государственной власти. Прудон не проводил различия между буржуазной и социалистической демократией, — различие это не имело смысла там, где речь шла об осуждении вмешательства государства в экономическую и общественную жизнь в интересах трудящихся. Он доказывал, что всякая демократия неизбежно ведет к этой интервенции, так как подчиняет государство воле и требованиям пролетарских масс. По мнению Прудона, формальная демократия неизбежно ведет к диктатуре низов и экспроприации имущих классов, к пролетарской революции со всеми ее неисчислимыми последствиями, которые так страшили Прудона. Такова основа противоречивых на первый взгляд рассуждений Прудона, в которых попеременно фигурирует в качестве объекта критики то «формальная», то «социальная» демократия, то господство доктринерской буржуазии, то господство пролетариата.

Если отвлечься от всех этих противоречий, если представить мысль Прудона в чистом виде, то можно сказать, что формальную демократию Прудон считал исходным пунктом, начальной стадией развития демократии революционной, пролетарской, социалистической. Таким образом, правильная постановка проблемы отношения Прудона к демократии буржуазной и демократии социалистической приводит к выводу, что обе демократии у Прудона сливаются, первая фатально переходит во вторую, которая в свою очередь фатально ведет к «государственному коммунизму», диктатуре и гражданской войне.

Следовательно, в критике демократии у Прудона надо видеть не только критику буржуазной демократии, но и критику демократии социалистической. И ту и другую он осуждает с позиций сектантского мелкобуржуазного реформаторства, ставящего своей целью примирение и слияние антагонистических классов и поэтому несовместимого ни с буржуазной демократией, которая ведет к обострению классовой борьбы в буржуазном обществе, ни с социалистической демократией, задающей целью уничтожить капиталистические производственные отношения.

В своей критике демократии Прудон улавливал внешнюю сторону противоречия в развитии буржуазного государства с конца XVIII века. Характерная черта этого развития, особенно бросающаяся в глаза во Франции, состояла в тенденции систематического оттеснения народных масс от участия в государственных делах, в постоянном росте отрицающей это участие централизованной бюрократической государственной машины. Со времени термидорианской реакции и Директории эта тенденция воплощала растущую контрреволюционность буржуазии, углублявшийся разрыв между нею и народными низами, т. е. обострение классовых противоречий буржуазного общества. Однако эти же классовые противоречия и в особенности рост классового сознания и политической активности пролетариата как венца демократии породили и другую тенденцию развития буржуазной государственности — тенденцию ее внешней демократизации, развития парламентаризма, замены монархической формы правления республиканской. Налицо были две противоположные тенденции развития, сталкивавшиеся между собой и определявшие противоречие между демократической формой и антидемократической сущностью буржуазного государства. Имея это противоречие перед глазами и не будучи в состоянии разобраться в его корнях и причинах, Прудон давал ему искаженное толкование, соответствовавшее мелкобуржуазному протесту против растущего давления бюрократической государственной машины, игравшей в руках крупного капитала роль важнейшего орудия эксплуатации мелкой буржуазии. Прудон справедливо доказывал, что при парламентской демократии прерогатива участия в законодательстве резервирована за депутатами. Точно так же нигде нет такого порядка, когда бы все граждане ре-

шали внешние и внутренние дела государства,— эти дела решаются министрами. «Граждане говорят о делах, но одни лишь министры их решают»¹²⁶. Наконец, неверно, что каждый гражданин выполняет какую-либо общественную функцию: «так как эти функции непроизводительны, то.. по своей природе они исключены для огромного большинства граждан»¹²⁷. Если в античной Греции, в Афинах и Спарте и был осуществлен этот идеал демократии и каждый гражданин занимал должность, оплачиваемую из государственной казны, то это объясняется тем, что древние греки жили трудом рабов и пополняли свою казну войнами; «уничтожение рабства и все растущая трудность войны сделали демократию невозможной для современных наций»¹²⁸. Наконец, неверно, что все граждане участвуют в назначении чиновников,— «это участие невозможно, ибо оно имело бы последствием анархию в дурном смысле этого слова. Назначает своих подчиненных власть — то по своей прихоти, то согласно определенным условиям допуска и выдвижения; порядок и дисциплина чиновников и централизация требуют, чтобы это было так»¹²⁹. Все это выхолащивание демократических принципов из конституционных норм буржуазной демократии приводило Прудона к выводу, что «демократия — есть химера», так как иерархия в правительстве является первым условием правления¹³⁰.

Как видим, критика парламентской демократии приняла у Прудона совершенно неисторический характер. Повторяя, несмотря на все свои разногласия с ним, Ж. Ж. Руссо и вместе с последним доказывая неосуществимость непосредственного народовластия в современных государствах, Прудон видел в этом не признаки исторической ограниченности античной демократии, не закономерную смену исторических форм демократии, а доказательство невозможности демократии. Все это объясняет нам, почему Прудон противопоставлял критикуемой им демократии не какую-либо более высокую, более совершенную форму демократии, а политический строй, совершенно отличный, как он считал, от всякой демократической государственности.

Этот политический строй Прудон назвал «Республикой». «Solution du problème social» содержало весьма расплывчатые определения прудоновской «Республики», обрисованной лишь в самых общих чертах. Все эти определения представляли «Республику» антиподом демократии. Они либо приписывали ей те добродетели, в которых Прудон отказывал демократии, либо освобождали ее от тех пороков, какими он ее награждал. Приведем две такие характеристики «Республики». Первая из них гласила: «Республика также противоположна демократии, как и монархии. В Республике все царствуют и управляют, народ думает и действует, как один человек; представители народа являются полномочными представителями с императивными мандатами и могут быть отозваны по желанию; закон есть выражение единодушной воли: нет другой иерархии, кроме как солидарность функций, нет другой аристократии, как аристократия труда, другой инициативы, как инициатива граждан»¹³¹. Другая характеристика отчасти повторяла, отчасти дополняла первую: «Республика есть организация, в которой при сохранении свободы всех мнений и всех действий народ именно посредством расхождений мнений и волю думает и действует, как один человек. В Республике всякий гражданин, делая что он хочет и только то, что он хочет, непосредственно участвует в законодательстве и в

¹²⁶ P.-J. Proudhon. Solution du problème social, p. 65.

¹²⁷ Ibidem.

¹²⁸ Ibidem.

¹²⁹ Ibid., p. 66.

¹³⁰ Ibidem.

¹³¹ Ibid., p. 67.

правлении, как он участвует в производстве и в обращении богатств. В ней каждый гражданин есть король, ибо он обладает полнотой власти, он царствует и управляет. Республика есть позитивная анархия. Это не свобода, подчиненная порядку, как в конституционной монархии, и не свобода, запертая, заключенная в порядке, как это понимает Временное правительство. Это свобода, избавленная от всяких и всех пут, от суеверия, предрассудка, софизма, ажиотажа, власти; это взаимная свобода, а не свобода, ограничивающая себя; свобода, являющаяся не дочерью порядка, а матерью порядка»¹³².

Отдельные замечания, разбросанные по всему тексту «*Solution du problème social*», мало что добавляли к этой весьма невразумительной характеристике прудоновской «Республики» и отчасти даже противоречили ей. Мы узнаем, что «всеобщее избирательное право есть символ Республики, но не является ее реальностью»¹³³; что республика будет «правлением народа через народ, а не через представительство народа»¹³⁴, и вместе с тем что депутаты должны представлять не Францию в целом, а конкретный департамент, город, деревню, промышленность, торговлю, земледелие, словом, определенные личности, специальности, интересы, народ во всем его разнообразии и множестве¹³⁵; что республика есть то, что сенсимонисты называли «организацией труда»¹³⁶; что она организует государство таким образом, что последнее будет оказывать «наивозможно большее количество услуг по наивозможно менее высокой цене»¹³⁷, и т. д. и т. п.

Сейчас мы можем разрешить вопрос, составлявший в свое время предмет спора Г. В. Плеханова с П. А. Кропоткиным, о том, сформулировал ли Прудон уже в 1848 г. свою анархистскую концепцию. Как известно, утверждение П. А. Кропоткина, что «отцом анархии» является «бессмертный Прудон, которой впервые изложил эту теорию в 1848 году»¹³⁸, вызвало со стороны Плеханова критическую реплику. «„Критика“ демократии, появившаяся в марте 1848 г., не есть еще изложение анархистской теории», — возражал Плеханов Кропоткину, утверждая, что анархистскую теорию Прудон начал излагать лишь в 1849 г.¹³⁹

Мы будем иметь возможность выяснить правильность последнего утверждения Плеханова. Что же касается его первого замечания, то нет сомнения в том, что в оценке прудоновской критики демократии Плеханов стоял много ближе к истине, чем Кропоткин. Конечно, то, что Прудон называл в 1848 г. «позитивной анархией», не было анархией в точном и определенном смысле этого слова, т. е. безвластием, безгосударственным общественным строем. Как ни расплывчаты, как ни туманны были определения и характеристики так называемой Республики в «*Solution du problème social*», из них все же следовало, что «Республика» сохраняет государственную власть. В ней существуют контролируемые народом и снабженные императивными мандатами депутаты и парламент, существует и государство — «дешевое», но все же требующее известных расходов. В особенности же обращает на себя внимание мысль Прудона о присущей его республике «иерархии солидарности функций». Под этим выражением скрывалась спекулятивная теория, делившая органы государственной власти на такие.

¹³² P.-J. Proudhon. *Solution du problème social*, p. 86.

¹³³ *Ibid.*, p. 49.

¹³⁴ *Ibid.*, p. 53—54.

¹³⁵ *Ibidem.*

¹³⁶ *Ibid.*, p. 68.

¹³⁷ *Ibid.*, p. 83.

¹³⁸ В защитительной речи П. А. Кропоткина перед Лионским уголовным судом в январе 1883 г. (См. Г. В. Плеханов. Сочинения, т. IV, стр. 182).

¹³⁹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. IV, стр. 193, примечание.

которые являются «функциями общественного организма» независимо от наличия государственной власти, и на государственные органы «в собственном смысле этого слова». Эта своеобразная теория, основанная на мнимом различии между «общественно полезными» и специальными ведомствами исполнительной власти как таковой, позволила Прудону сохранить большую часть государственного аппарата под видом «функций», не имеющих якобы государственного характера.

Исходя из этой теории, Прудон рассматривал государство не как совокупность общественных функций, а как связь, которая их объединяет и которая посредством этого объединения выражает суверенитет нации. «Государство, говорю я, есть связь, которая связывает в пучок все различные функции; это власть, орган централизации, авторитет»¹⁴⁰. Проще всего эта софистика выглядела, когда Прудон объявил администрацию общественных работ определенной функцией общественного организма (*du corps social*), которая имеет свою специальность, свою полезность, свои собственные издержки, но которая не является государством. Но оказывается, что и министерства юстиции, морского флота, народного просвещения и др., по Прудону, являются такими же органами с корпоративными функциями и тоже не являются государством¹⁴¹⁻¹⁴². Показательно, что в перечисленные Прудонем общественно полезные «корпоративные функции» вместе с промышленностью, земледелием, торговлей, общественными работами, морским флотом попали также и ведомства юстиции и народного просвещения — два самых непосредственных орудия классовой политики любого государства. Из этого особенно ясно видно, как далек был Прудон от понимания действительной сущности и природы государства. Его мысль была в плену вульгарных буржуазных представлений об общепольном предназначении государственных функций поддержания порядка, отправления правосудия, спонсирования народного благосостоянию, просвещению и т. д. и т. п. Взгляд этот как нельзя более отвечал идее единого народа, исключавшей возможность понять классовый характер государства и особую роль его в классовой борьбе.

Пользуясь вульгарной теорией «общественных услуг» государства, Прудон отрицал необходимость центральной исполнительной власти и ее ведомств, т. е. правительства в собственном смысле слова. Мысль Прудона ясна: государство — это то в органах правления, что не имеет характера общенародных услуг, что не относится к общественно полезным функциям, отвечающим «благу всего народа» в целом, — к промышленности, земледелию, полиции, правосудию, просвещению и т. д. Государство, следовательно, есть то в органах правления, что выходит за рамки обслуживания общенародных интересов, что не укладывается в понятие единого, цельного, нерасчленимого народа и противоречит этому понятию.

Но как тогда объяснить этот бесполезный и вредный парост над теми органами, которые действительно «служат народу»? Этот злокачественный парост на теле единого, неделимого народа можно объяснить лишь как продукт влияния интересов, которые не носят «общенародного» характера, т. е. интересов групповых, частных, интересов отдельных партий, клик, классов. Этот логический вывод, вытекающий из рассуждений Прудона о государстве в «*Solution du problème social*», еще не был сделан на страницах данного сочинения; мы встретим его лишь в дальнейших произведениях Прудона вместе с развитием его анархистской теории. Но «*Solution*» уже содержало больше чем зародыш этого вывода: в этой работе демократия критиковалась именно как царство частных, классовых, а не

¹⁴⁰ P.-J. Proudhon. *Solution du problème social*, p. 77.

¹⁴¹⁻¹⁴² Ibid., p. 76.

общенародных интересов. Осуждение демократии открывало путь дальнейшему развитию этой идеи в ее более общей форме. Таким образом, замечание Г. В. Плеханова о том, что критика демократии у Прудона не была еще изложением его анархистской теории, нуждается в одном существенном коррективе, а именно: эта критика уже содержала в зародыше основные положения будущей анархистской теории Прудона.

* * *

Прудоновская критика демократии оставила заметный след в истории французской общественной мысли. Правда, действие этой критики было, так сказать, замедленным. Ее подняли на щит не враги Второй республики, которые видели в Прудоне крайнего революционера и гонителя собственности, а многочисленные враги Третьей республики. Этой критике уделяли внимание бонапартистские и роялистские публицисты, клерикальные хулители республики и теоретики «сильной власти», авторитарного государства и, в конце концов, фашизма и фашистской диктатуры. О ней писали Сен-Бев¹⁴³ и Эмиль Оливье¹⁴⁴, Ля Тур дю Пэн¹⁴⁵, Ш. Моррас и Л. Додэ¹⁴⁶, а потом Ж. Бартелеми¹⁴⁷, Лягардель и Спинасс¹⁴⁸. Все они, вместе взятые, создали Прудону довольно прочную репутацию теоретика реакции. Зачисленный в число «мэтров контрреволюции XIX века»¹⁴⁹, «отец анархии» стал тем соблазнительным источником, из которого черпались самые «сокрушительные» и хлесткие доводы против демократии. Сомнительная слава Прудона как громовержца реакции перекочевала затем в фашистскую Италию¹⁵⁰ и в гитлеровскую Германию¹⁵¹, что, в свою очередь, дало некоторым исследователям повод отнести Прудону место в ряду пророков и теоретиков фашизма¹⁵².

Французская реакционная публицистика, упиваясь хлесткими фразами Прудона против демократии, выдавала его нападки на нее за повторение известных положений дворянской и буржуазной контрреволюционной критики Великой французской революции. Один из теоретических столпов «Аксьон франсэз» Л. Димье усмотрел в этих идеях Прудона «самую сущность консервативных принципов»¹⁵³ и утверждал, что Прудон «совершенно схож (*tout conforme*) с Бональдом, с Мэстром, с Риваролем, с тем, что мы читали у Тэна, у Ренана, у Фюстеля...»¹⁵⁴.

Такое причисление Прудона к лику «неороялистов» вызывало законные протесты со стороны теоретиков буржуазного «неопрудонизма», старавшихся примирить концепции Прудона с крохоборческим буржуазным

¹⁴³ Sainte-Beuve. P.-J. Proudhon, sa vie et sa correspondance. Nouvelle édition. Paris, 1947.

¹⁴⁴ E. Ollivier. L'Empire libéral, t. II. Paris, 1897.

¹⁴⁵ La Tour du Pin. Vers un ordre social-chrétien. Paris, 1931.

¹⁴⁶ См. «Cahiers du cercle Proudhon», Paris, 1912, а также Ch. Maurras. Dictionnaire politique et critique, vol. IV. Paris, 1933.

¹⁴⁷ J. Barthélemy. La crise de la démocratie contemporaine. Paris, 1931.

¹⁴⁸ См. брошюру. G. Cogniot. Proudhon. Paris, ed. «Enseignements et Culture» [194—]. Статьи Спинасса о Прудоне печатались в «Le Rouge et le Bleu» в 1942 (10. I, 11. IV и 20. IV).

¹⁴⁹ Название известной книги монархиста Димье — L. Dimier. Les maîtres de la contre-révolution au XIX siècle. Paris, 1907; одна из ее глав была посвящена Прудону.

¹⁵⁰ См. A. Santonastaso. Proudhon. Bari, 1935.

¹⁵¹ См., например: W. Schulz. War Proudhon Anarchist? («Deutsche Erneuerung», XXIII, 1939) и K. Bremer. Der sozialistische Kaiser («Die Tat», XXX, 1939).

¹⁵² См. например, статью: J. Salwyn Schapiro. Pierre Joseph Proudhon, Harbinger of Fascism. — «American Historical Review», July 1945.

¹⁵³ L. Dimier. Op. cit., p. 237.

¹⁵⁴ Ibid., p. 247.

реформаторством в рамках Третьей республики. Самый выдающийся из них, известный теоретик «солидаризма» Ц. Бугле признавал, что Прудон «приумножил грубые поношения (*les rebuffades*) всеобщего избирательного права, парламентаризма и этатизма» и «изрешетил их острыми стрелами», которые ныне «каждый волен подбирать... и бросать в своих противников»¹⁵⁵. Вместе с тем Бугле выражал свое полное несогласие с попытками причесать «отца анархии» под сторонника «Аксельн франсез». «Все же парадоксально видеть, как те, которые хотели бы посредством какого-либо государственного переворота посадить снова в седло сильное правительство... хотят привлечь на свою сторону автора «Справедливости в революции и в церкви!». Эти призывы к силе, эти гимны традиции старого порядка заставили бы возопить нашего Прудона»¹⁵⁶. Отвергая взгляд на Прудона, как на реакционного критика демократии, Бугле доказывал, что Прудон совсем не был антагонистом демократии. Критику ее у Прудона Бугле объяснял довольно невинными соображениями. Прудон якобы видел в демократии препятствие к движению человечества вперед, к «позитивной анархии», покоящейся на справедливых соглашениях между равносвободными людьми. «Но именно те иллюзии, какие демократия культивирует, те учреждения, какие она умножает, отвлекают людей от проявления инициативы, необходимой для этих соглашений. Она ставит высшей целью их усилий завоевание суверенитета, в то время как суверенитет этот ограничивается лишь тем, что скрепляет подписью законы, которые послужат лишь для того, чтобы связать им руки»¹⁵⁷. Бугле уверяли читателей, что Прудон не отрицал за демократией прогрессивного значения и лишь боялся, что люди остановятся на ней и перестанут двигаться дальше, к полной свободе. «Прудон, следуя за порывистым движением прогресса и шествуя в том же духе, но дальше, чем его сотоварищи по восхождению, открывает счастливую долину, где каждый в полную меру своей свободы получит свою равную долю света и тени. Вот почему он взбешен, видя, как люди, находящиеся так близко от конечной цели, делают остановку среди скал и еще раз строят защитные сооружения. Это замедление истории доводит его нетерпение до предела. С высоты его наблюдательного поста наилучше построенные убежища кажутся ему наиболее опасными, потому что они дольше держат человека»¹⁵⁸.

Версия Бугле, большого знатока Прудона, обладала известным правдоподобием. В «*Solution du problème social*» мы найдем указание на то, что в демократии «надо видеть лишь приготовление к республике»¹⁵⁹, что она является «лишь символом суверенитета»¹⁶⁰, так же как «всеобщее избирательное право есть лишь символ республики...»¹⁶¹. Но правдоподобие объяснения Бугле лишь кажущееся. В действительности Прудон вовсе не считал, что демократия и его идеальная «Республика», т. е. «позитивная анархия», — это этапы одного и того же пути и первая есть преддверие ко второй, переходный этап к конечной цели. Если повторить образное выражение Бугле, то придется сказать, что Прудон видел в демократии сворачивание с правильного пути на путь ложный и опасный, уводящий совсем в другую сторону от цели, путь, ведущий в тупик гражданской войны между буржуазией и пролетариатом и к диктатуре. Вот почему Прудон не

¹⁵⁵ C. Bouglé. *La sociologie de Proudhon*, p. 176.

¹⁵⁶ *Ibid.*, p. 177.

¹⁵⁷ *Ibid.*, p. 175.

¹⁵⁸ *Ibid.*, p. 176.

¹⁵⁹ P.-J. Proudhon. *Solution du problème social*, p. 39.

¹⁶⁰ *Ibidem*.

¹⁶¹ *Ibid.*, p. 86.

считал демократию ни необходимым, ни обязательным этапом на пути к «позитивной анархии»; подготовительную роль демократии он понимал совсем не в том смысле, как это рисует Бугле. Изложив программу «истинной республики», которую мы приводили выше и в которой республика объявлялась «позитивной анархией», Прудон добавлял: «Пусть будет оправданием демократии, что она до некоторой степени сформулировала эту программу показом своих противоречий»¹⁶². Роль демократии в подготовке идеальной «Республики» была, по Прудону, чисто негативной — демократия служила здесь чем-то вроде «доказательства от противного», источником отрицательного опыта, показывавшего, где лежит заблуждение и где надо искать верный способ осуществления суверенитета народа. Но было ли это по крайней мере необходимое заблуждение, то, без которого нельзя постичь истины?

На этот вопрос Прудон давал также отрицательный ответ. Он считал, что хотя Франция еще не подготовлена к системе «позитивной анархии» и вынуждена пройти через отрицательный опыт парламентской демократии и всеобщего избирательного права, это вовсе не означает, что не было другого пути, ведущего к цели, к истинной «Республике». С точки зрения Прудона, переходным этапом могла быть и июльская монархия с расширенным избирательным правом. Зрелищем своих противоречий она могла бы также вести к программе «позитивной анархии», как и доктринерская демократия. Верный своей антиреволюционной установке перед февральской революцией Прудон доказывал, что монархия также была символом народного суверенитета¹⁶³ и что, скажем, избирательная система, предложенная династической оппозицией, могла бы служить переходным этапом к подлинному народному представительству не в меньшей мере, чем избирательная система Временного правительства, т. е. всеобщее избирательное право. «Умы совершенно не на уровне республики; надо, чтобы мы прошли еще раз через демократию; что же, одна переходная ступень стоит другой, система Временного правительства для меня одинакова с системой Дювержье де Оранна. Не думаю, чтобы выбор между ними стоил хотя бы минутного исследования»¹⁶⁴.

Мы видим, насколько объяснение, дававшееся Бугле антидемократизму Прудона, было буржуазно-либеральным приукрашением действительной позиции последнего. Если Димье напяливал на плебейскую голову безансонского типографа парик защитника принципов «старого порядка», то Бугле, как, впрочем, и некоторые другие либеральные и социалистические историки, причислял Прудона под республиканца-демократа, отличающегося от правоверных демократов лишь в мечтах, в теории. Однако — и наш анализ подтвердил это — Прудон, бесспорно, критиковал демократию не с дружеских, а с принципиально враждебных ей позиций, он отрицал ее прогрессивное значение, видя в ней скорее ретроградное движение. Натянутые толкования его антидемократических идей, отождествлявшие их с позициями Бональда, Жозефа де Мэстра или Тэна, грешили не тем, что причисляли Прудона к лагерю реакционных критиков демократии, а тем, что игнорировали специфические особенности этой критики у Прудона, делали его носителем тривиальных идей буржуазно-дворянской контрреволюции. В действительности в этой критике было нечто новое, выходящее за рамки банальных воплей о демократии как господстве «черни».

Антидемократизм Прудона питался уже не опытом революции конца XVIII в., а опытом классовой борьбы в XIX в. К старым, неизгладившим-

¹⁶² P.-J. Proudhon. *Solution du problème social*, p. 87.

¹⁶³ *Ibid.*, p. 39.

¹⁶⁴ *Ibid.*, p. 54.

ся контрреволюционным страхам крупной буржуазии, укоренившимся со времени Конвента и диктатуры плебейских низов, прибавился страх буржуазии перед выступившим на политическую арену пролетариатом, боязнь его растущего вмешательства в государственные дела, боязнь социалистических устремлений пролетариата и, наконец, страх перед последствием революции, в которой пролетариат завоевал республику и всеобщее избирательное право. Отражая эти страхи, прудоновская критика демократии осуждала ее уже с более общих позиций — как политическую форму государства, неизбежно углубляющую раскол нации, ведущую к обострению классовых антагонизмов в обществе, к подрыву позиций собственных классов, к гражданской войне между буржуазией и пролетариатом.

Новым было также и то, что принципам демократии Прудон противопоставлял утопическую идею национального единства, демократическому государству — «единую волю» народа. В этой фикции единства капиталистического общества, в этом искусственно воссоздаваемом единстве нации и заключалась реакционная изюминка всей прудоновской критики демократии. По сути дела эта критика выражала желание наложить обручи «единой воли народа» на раздираемое классовыми противоречиями буржуазное общество. От этой мысли, если ее вести к логическому завершению, можно шагнуть к идее насильственного «преодоления» классовых противоречий, насильственного воссоздания «национального единства», т. е. к идее реакционной диктатуры, удушающей демократию. Здесь-то и заключается разгадка того, почему с прудоновской критикой демократии могли перекликаться самые реакционные течения буржуазной политической мысли — бонапартизм, а затем «неороялизм», почему она привлекала к себе внимание фашиствующих и фашистских «теоретиков» и публицистов. В своих нападках на буржуазную демократию и в демагогических схемах воссоздания «национального единства» они не преминули воспользоваться писаниями Прудона.

Защитники Прудона обычно твердили и твердят, что Прудон не может быть ответственным за столь вопиющее злоупотребление его именем и его идеями. Но нельзя не видеть, что возможность этого злоупотребления открывалась существующим объективно стыком между прудоновской критикой демократии и идеями буржуазной реакции.

Как правильно однажды заметил французский историк Мужен о теоретиках реакции, «если они апеллируют к Прудону в своей борьбе против рабочих организаций, то это именно потому, что Прудон дает им возможность делать это»¹⁶⁵. При всем различии между утопическими надеждами мелкого буржуа организовать мирное сотрудничество классов вне подрывающих это сотрудничество рамок политической демократии и расчетами буржуазного реакционера на подавление рабочего класса с помощью террористической «национальной» диктатуры, их сближает друг с другом общая реакционная мысль о возможности преодолеть классовые противоречия и классовую борьбу, не уничтожая классов и сохраняя основы буржуазного общества. Из такой общей посылки вытекали весьма различные политические и экономические проекты, между которыми, конечно, нельзя ставить знака равенства ни по их содержанию, ни по их классовым корням и характеру. Буржуазные историки и публицисты, повторяющие развязную фашистскую интерпретацию прудоновских идей, не хотят видеть ни того, в чем смыкается прудонизм с фашизмом, ни того, что здесь является весьма отличным. Приведем, например, уже упоминавшегося нами американского историка Сальвина Шапиро, изобразившего Прудона «предвест-

¹⁶⁵ «La Revolution de 1848», 1946, № 172, p. 60.

ником фашизма»¹⁶⁶. Не видя идейных нитей, какие действительно протягиваются между столь различными течениями, Шапиро отделяется от проблемы тем, что попросту отводит анархистскую репутацию Прудона как «легенду» и объявляет Прудона сторонником диктатуры фашистского типа. «Оппозиция Прудона к демократии возникла из его презрения к простому человеку» — таково единственное объяснение, какое может дать Шапиро критике демократии у Прудона¹⁶⁷.

Это карикатурное объяснение позиции Прудона имеет весьма обманчивый вид: на первый взгляд кажется, что Шапиро тем самым расценивает идеи Прудона о демократии как сугубо реакционные. На деле фальсификация Прудона является лишь частью общей фальшивой оценки фашизма у американского историка. Шапиро изображает фашизм как «революционное движение среднего класса, направленное, с одной стороны, против крупных банков и сплоченного крупного капитала, а с другой, против социалистических требований рабочего класса»¹⁶⁸ (курсив мой.— Н. З.). Неудивительно, что в этой концепции Прудон фигурирует как человек «у которого впервые прозвучала фашистская нотка революционного отрицания демократии и социализма»¹⁶⁹ (курсив мой.— Н. З.). Таким образом, истинный смысл этой вполне фашистской интерпретации прудонистских идей — обратный кажущемуся: модернизация Прудона ведет к отрицанию реакционного характера прудоновской критики демократии и служит апологии фашизма.

---

¹⁶⁶ J. Salwyn Schapiro. Pierre Joseph Proudhon, Harbinger of Fascism.— «American Historical Review», 1945, p. 717—735.

¹⁶⁷ Ibid., p. 724.

¹⁶⁸ Ibid., p. 733.

¹⁶⁹ Ibid., p. 734.